

НИКОЛАЙ МАКСИКОВ

Не ворошите старую грибницу

РОМАН

Николай Максимов

**Не ворошите старую
грибницу. роман**

«Издательские решения»

Максиков Н.

Не ворошите старую грибницу. роман / Н. Максиков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831693-7

В романе автор на примере исторических событий, реальных и вымышленных человеческих судеб показывает взаимосвязь протекающих общественно-политических процессов и опасность непродуманного, насильственного вмешательства в них.

ISBN 978-5-44-831693-7

© Максиков Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Не ворошите старую грибницу
роман
Николай Максиков

© Николай Максиков, 2016

ISBN 978-5-4483-1693-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ожидание предстоящей встречи волновало меня необычайно. Я живо представлял себе пожилого солидного учёного с манерами высокомерного интеллигента и внутренне настраивался соответствовать этому образу. Плохо у меня это получалось! Беседовать пусть даже с прославленным, но занудой – «ботаником» не хотелось априори. Но я пообещал своему давнему знакомому Геннадию Ивановичу Пиманову непременно посетить его родовое поместье в поволжском селе Петрушино, чтобы познакомиться с удивительной судьбы человеком и по обыкновению не мог нарушить данное слово. Тем более, что приезжий физик – Виктор Григорьевич Верещагин доводился ему двоюродным братом.

Колёса автомобиля мерно шуршали по асфальту, мелькали придорожные кусты и деревья, а где-то там, за поворотом, замаячили в тронутой осенью зелени петрушинские очертания. Водонапорная башня, животноводческая ферма, машинно-тракторные мастерские, первые окраинные домики напомнили мне о родных морецких хуторах на севере Волгоградской области, где прошли годы детства и юности. Дорога уткнулась в небольшой мосток через живописную речку с певучим названием Иловля. Прогрохотав по металлическому настилу, распутивая прибрежную рыбёшку и беспечных лягушек, мой автомобиль свернул на улочку с незатейливым названием, размещённом на стандартном указателе: «Заречная». «Ишь, ты! Совсем по-городскому живёт деревня!» – мелькнуло в голове. Неподалёку на завалинке на вечерние посиделки, как водится – загодя, в ожидании с пастбища домашнего скота собралась группа пожилых сельчан. Вежливо поздоровавшись со стариками, интересуюсь:

– А не подскажите, где Геннадий Иванович Пиманов проживает?

– Да ты мил-человек проехал его! Вон, за перекрёстком домина Пиманова виднеется, развертайся! Что, друг что ли? – угрюмого вида мужичонка вопросительно и оценивающе уставился на меня.

– Да нет, знакомый, – чувствуя скрытый подвох, ответил я и не ошибся.

– Что б ему пусто было! Достал он тут всех своим характером дурацким! – не скупился на грубость незнакомец.

– Чем же он «насолил» вам? – с неподдельным интересом подхожу к собеседнику.

– Да с тех пор, как переехал сюда из города – житья от него не стало. Везде свой нос сует, всем не доволен, всё ему переделать надо. Хозяином тут себя считает. Он же родом отсюда, все его предки тутошние были. Восьмой десяток старику, а всё неймётся. Да ладно, чёрт с ним! Тебе-то по какой надобности этот баламут? Небось, по жалобе приехал разбираться? – неслошь мне уже вдогонку.

У ворот указанного мне дома я притормозил, свернув на поросшую лебедой обочину. За забором залаял пёс, залившимся тенором давая знать хозяину о приходе чужого человека. Мои увещевания не возымели на дворнягу никакого действия. Это могло означать только то, что Геннадий Иванович где-то неподалёку.

– Иду, иду, Коля! – послышался знакомый голос. Не бойся этого шалопаю, он привязан! Молодец, что приехал, не обманул!

– Да разве я мог иначе? Не люблю подводить, раз пообещал. Да и заинтриговали Вы меня своим гостем! – постаравшись расположить старика к доверительной беседе, протягиваю руку. Узнаю крепкое, не по годам, пожатие и моложаво искрящиеся из-под чёрных бровей глаза казака.

– Ну, пойдём, покажу тебе своё хозяйство, – не скрывая удовольствия, предложил он. А потом уж пойдём к Виктору. Тебе, думаю, нелишне будет побольше разузнать о нашей жизни. Вот тут, Коленька, на этом самом месте жили до меня семь поколений Пимановых. С петровских времён наш род идёт. Я умру – сыновья и внуки тут жить будут! Я, конечно, перестроил подворье-то. Пока работал – всё сюда вкладывал, добротню хотелось сделать, на века. Может, не всё получилось. Но я горжусь тем, что успел. Стараюсь не срамить память предков. С тех пор, как на пенсию вышел, живу тут безвылазно. Даже депутатом был поселковым! Что ты, Коля! Я всех заставляю работать на совесть. Вот ты по мосточку ехал ко мне: не побоялся, что свалишься в реку? Правильно, ветхий мост. По нему и ходить-то опасно! Так я добился решения суда, чтобы районные власти его включили в план ремонта. Не торопятся, правда, чиновники исполнять. Беды дожидаются! – ворчал Пиманов.

Чуть сторбившись, он провёл меня по двору, где ещё краснели округлыми боками на грядке пахучие помидоры, вызревали на шпалере раскидистые виноградные лозы, униженные янтарными кистями, а по краям замерли высохшими метелками ряды высоченных стеблей кукурузы.

– Это я всё внуков балую! – улыбается Геннадий Иванович, не забывая при этом потчевать и меня спелыми плодами хозяйствующей в огороде и в саду ранней осени. Вот эта яблоня ещё от отца осталась, а это вот слива, его руками посаженная. Стараюсь отводками, прививками сохранять старые сорта, таких теперь не сыщешь!

Сочно хрумкая ароматными яблоками, выходим на задней окраине двора к Иловле. Окаймлённый камышом плёс открылся торжественно и величаво. Плескалась в берег чистая, как слеза, волна. На мостках расположились удочки, снаряжённые на хищную рыбу. Оказалось, что не только щуки, но и сомы нередко составляют добычу местных рыбаков. А мой «экскурсовод» не замедлил рассказать, что ещё разинские разбойнички хозяйничали в этих местах, нападая на богатые караваны судов и на илистом дне покоится немало свидетельств тех лихих набегов. По пути в Петрушино я проезжал городок с экзотическим названием Петров Вал.

Основан он в суровом 1942 году и представляет собой крупную узловую железнодорожную станцию. А название своё получил по остаткам сохранившегося канала с огромной земляной насыпью вдоль. Каналом этим пытался император Пётр-I соединить Дон с Волгой от речки Иловли. Шведы не дали осуществиться планам, осталась только память для потомков. Мне показалось, что Петрушино и Петров Вал имеют общее происхождение.

– Ничего доподлинно не известно, – возразил Геннадий Иванович, потерев реддеющую поросль волос на затылке. Баят, в старину в этих местах много хуторов было. Скрывался в одном из них и мятежный казак-пугачёвец по имени Пётр, Петруша по-простонародному. Но одумался бунтарь, повинился императрице Екатерине-II и та простила его, доверив охрану южных рубежей. Так от Петрушина хутора и пошло название нынешнего села.

– А Ваш род, Геннадий Иванович, давно известен здесь?

– По матери, да и по отцу я тоже имею казачьи корни. Одними из первых поселились в здешних краях братья Пимановы, обзавелись семьями, поступили на казачью службу.

Один из дедов – георгиевский кавалер, лихой рубака был в первую империалистическую! А вот сейчас в дом зайдём, я тебе фотографии покажу!

– Не боязно одному-то холостяковать? – подтруниваю над стариком.

– Что-ты! Тут народ приветливый! Да и потом, это я только на зиму старуху в городскую квартиру отправляю, да и то навещаю регулярно. Пусть она там, в городе, у детей под присмотром. Я-то ещё в силе, не смотри, что семьдесят два. Сад ещё сам литовкой обкашиваю. Да и телефон у меня сотовый имеется! Дети каждый день названивают, проводят отца. Не-е, я один не бою-ю-у-сь, – протянул, слегка призадумавшись, дедок. Я тут наедине с природой, с корнями своими связь ощущаю. У меня тут даже насморка не бывает, веришь? Большое хозяйство не держу, не утруждаюсь. А вот курочек – позволяю себе! Э-эх, ты бы знал, как приятно утречком взять свеженькое сырое яичко, проковырять ему доньшко, посолить и испить с чёрным хлебушком в прикуску!

– Я, Геннадий Иванович, сам тоже деревенский по происхождению. Понятна мне Ваша философия до самой мелочи неприметной! – соглашаюсь и тактично умалчиваю о «приветливых» отзывах сельчан, высказанных мне накануне на улице Заречной.

Мы не спеша идём обратно к дому. Шарик, признавая гостя, уже не облаивал меня, а приветливо виляя хвостом, тянулся лизнуть руку. Даже тощий кот, весь подранный в кровь соседскими котами и собаками, тёрся спиной об ноги, громко мурлыча.

– Прежде, чем пригласить в дом, хочу тебе рассказать о Викторе. Вот тут, через межу жила их семья. Моя и его матери – родные сёстры, нас тут в одном корыте детьми купали. Виктор меня на пять лет постарше будет, живёт сейчас в Белоруссии. Личность он необыкновенно талантливая. С детства имел склонность к рисованию и весьма в этом преуспел. В пединституте учился на физмате. И физика стала его судьбой. Он сделал немало открытий, награждён Государственной премией СССР. Награду вручал сам академик Мстислав Всеволодович Келдыш!

– А в какой области у него заслуги?

– А вот сам посмотри, – Геннадий Иванович завёл меня в летнюю кухню, где на круглом столе посередине комнаты я увидел множество фотографий, газет, книг, каких-то листков бумаги, исписанных аккуратным убористым почерком. Это всё о нём я приготовил. Смотри, Коля, читай, изучай. Что нужно – можешь взять с собой.

Я перебирал семейные пимановские реликвии и отдалённо понимал, что прикасаюсь к чему-то очень важному и великому. Авторская монография Верицагина В. Г. касалась темы инфракрасных волн. Другие научные труды освещали какие-то неизвестные мне законы социологии. Неожиданно читаю название книги: «Физическая культура индийских йогов».

В ней успеваю заметить, как подробно и доходчиво описываются принципы последовательности и постепенности в освоении упражнений, приводятся рекомендации, с чего и как начинать занятия и по какому режиму. Успеваю удивиться: «И это всё один и тот же человек?»

– Да, это всё написал наш Виктор Григорьевич! – будто прочитал мои мысли Геннадий Иванович. Я же говорю тебе, человек он разносторонний необыкновенно!

– А это он сам и есть, наверно? – вопросительно ткнул пальцем я в одну из фотографий, угадывая своего будущего визави. С неё на меня смотрели чуть с насмешливым прищуром чёрные глаза высокого худощавого мужчины, совсем не похожего на заумного доктора наук.

– Ну, а кто же ещё! – не без гордости ответил мой собеседник. Это вот он с семьёй. А это вот его сын Юрий преподаёт астрофизику в римском университете. Да, да! – заметил моё удивление хозяин. И Юрка у него не от мира сего, тоже учёный.

Решив про себя, что непременно перечитаю весь этот материал, послушно следуя вслед за Геннадием Ивановичем к крыльцу дома. Через небольшой коридор попадаем в просторную гостиную, увешанную фотографиями, по которым можно проследить всю родословную семейства. Тут и пожелтевшие фото статных бородачей и усачей с подругами-казачками, и увешанных боевыми орденами и медалями фронтовиков и совсем юных мальчиков и девочек – продолжателей славного рода. Особняком выделяются картины, писанные маслом и карандашом, на которых так же запечатлены узнаваемые лица близких родственников хозяина дома.

– Это вот отец мой! – кивает на огромный художественный портрет в рамке Пиманов. Всю войну прошёл. Видишь, вся грудь наградами светится. Председателем тут после войны был в колхозе.

– А у Виктора Григорьевича отец тоже воевал?

– Да-а, с первых дней. Он в районе Бреста войну встретил. Тоже прошёл до конца. Ну, тот вообще кадровый военный был, в больших чинах ходил. Виктор Григорьевич, думаю, сам тебе всё расскажет.

Мы походили по дому. Гостиная комната, где можно уютно разместиться приезжему, светла и просторна. Напротив – рабочий кабинет хозяина, уставленный множеством книг, часть из которых пестрела закладками. На столе – ворох тетрадей, авторучек, карандашей. По домашнему пахло из проёма кухни. Нехитрая утварь аккуратно размещена на полочках.

Про себя отметил, что ни в одной из комнат не скрипнули половицы. Чувствовалось, что дом сделан с любовью и под неусыпным авторским надзором застройщика. Каждая деталь расположена по делу, с определённым предназначением.

– Геннадий Иванович, а сыновья бывают тут?

– Конечно! Им тут нравится. Внуков привозят. Время-то быстро бежит, пора придет, и кто-то из них тут определится. Земля-то всегда кормилицей слывет, испокон веков эта истина непреложной считается. Вот взять меня: какая-никакая пенсия есть, а остальное – натуральное хозяйство! Ты видел, какая картошка у меня в этом году уродилась? А-а-а! Потому, что никакой химии в ней нет, а поливаю речной водой, это тебе не ваша городская хлорка! Тут тебе и работа, тут и для отдыха краше места не найдёшь. На Волге вода летом цветёт, а в Иловле она почище хрустала будет!

– Хорошо тут у вас, согласен. А моя деревня вся разбежалась. К центру сбилась. А те хуторки, что ещё на моей памяти по окраине были – пустыри в бурьяне сегодня и всё. От хутора Мишина, который мои предки основывали, осталось только название, да прудик небольшой с карасями.

– Сами мы виноваты, Коля. Всё за лёгкой жизнью стремились куда-то из гнезда родного улететь. А где она, эта жизнь райская? Вот хоть меня взять. Ты же знаешь, начальником отдела капитального строительства в городе работал! А вот на старости лет опять к малой родинке своей потянуло, тут моё счастье земное, не жить мне без всего этого! Молодой ты ещё супротив меня, не поймёшь до конца. А я вот сяду вечером на крыльце, глаза закрою и слушаю... От речки слышать, как соловьи своими голосами у девчат сердца бередают, кузнечики да сверчки вокруг стрекочут. Подойники звякают во дворах. И кажется мне, что слышу голоса своих роди-

телей, и они меня о чём-то спрашивают, а не разобрать... Может, что важное сказать хотят. Куда же я от этого денусь, а, Коленька?

Мы на некоторое время замолчали, задумавшись каждый о своём. Солнце быстро клонилось к закату, его всполохи всё ярче и отчётливее откуда-то из-под карниза проникали в комнату, и вот уже само светило заглянуло в верхний створ окошка, словно напрашиваясь на чай, который легкими клубами поднимался от наших чашек. Эх, а хороша у нас компания: старый казак, я и красавица по имени Солнышко! Романтика!

– Однако, осенью темнеет быстро. Посидели, пора в путь трогаться! – Геннадий Иванович прибрал со стола, и мы направились за калитку.

Пастухи пригнали с пастбищ деревенских коров, отары овец и коз, и встречавшие разобрали свою живность по домашним хлевам. Опустели улицы; никого не увидел я и на Заречной, где давеча меня неласково приветили. Петрушино готовилось вечерять. А пока хозяйки доили коров, и запах парного молока, смешанный с прохладой, идущей от речной заводи, плыл по округе, проникая сквозь тронутую позолотой листву деревьев в небесный эфир, а затем, струясь всё выше и выше, торопился успеть влиться в знакомую белёсую дорожку Млечного пути, пока ещё скрытую от глаз слегка багровеющей полоской заката.

Я знал, что Геннадий Иванович выхлопотал для Верищагина небольшой участок земли неподалёку, так же на берегу реки и помог установить на бетонных сваях бытовой вагончик, обычно используемый на строительных площадках. Теперь Иловля, даже широко разливаясь по весне, не могла замочить строение. Внутри всё по-домашнему обставил пусть не новой, но вполне пригодной мебелью, провёл электричество, подключил телевизионную антенну. Виктор Григорьевич очень обрадовался такому вниманию земляков и теперь каждый год на недельку-другую навещает «своё имение», приезжая из далёкого Минска в места, где родился и вырос. В те места, где его помнят, гордятся знакомством с ним. А может, Верищагину тоже вечерами чудятся родные голоса, наедине с которыми становилось светлее на душе, радостнее и по-новому предстаёт жизнь уже прожитая, и появляются силы для новых дней?

* * *

Верещагинское подворье находилось в глубине той самой Заречной улицы, на которую по незнанию я сворачивал, разыскивая усадьбу Пиманова. Глухой стеной строение было обращено к внешнему заборчику, а внутри к входу пристроена маленькая светлая веранда с навесом из волнистых листов шифера, опирающегося на опоры из стальных труб, окрашенные светлой масляной краской. Это был маленький деревенский домик, в каких обычно и живут одинокие старые бобыли да вдовы. Разве что сложен дом не своими руками, а смонтирован на потоке казённым способом. Но резные ставенки на окошках, деревянный настил с перилами и поручнями перед порогом, веселые краски, которыми расписаны стены, делали его по-настоящему уютным, даже приветливым с виду. Вокруг красовались небольшие крепенькие саженцы молоденьких яблонь, а ближе к речным зарослям – бело-жёлтыми боками блестели огромные тыквы. Кое-где проглядывались полосатые корки не слишком крупных арбузов. Земля не пустовала. К приезду хозяина кто-то заботливо приготовил ее, и участок выглядел вполне обжитым и ухоженным.

Сетчатый заборчик, отделявший подворье от улицы, имел исключительно декоративные цели – любой мальчишка преодолет такой мигом. Но зато куры и прочая домашняя живность уже не могли проникнуть на территорию и потревожить огородные посадки.

К домику была пристроена небольшая банька, на крыше которой устроена металлическая ёмкость для воды литров на сто. Всё по-простому, без изысков, но уютно и понятно. Человеку, родившемуся и выросшему в деревне, такой быт покажется вполне устроенным. А уж тарелка телевизионной антенны, прилепленная сбоку, придавала обстановке особый современ-

ный антураж. По тропинке, выйдя из кустов, густо разросшихся вдоль речного берега, к домику направилась сухопарая фигура мужчины в простой одежке. В руках незнакомец нес нехитрые рыбацкие снасти и кукан с тройкой крупных золотисто-бронзовых карасей. «Таких поймать – постараться надо!» – отметил я, с интересом наблюдая за приближающимся рыбаком.

– О! Да у меня гости, а калитку отворить некому! Простите, гости дорогие, старика!

– Мы, Григорич, только подошли. Да и не закрыто у тебя тут, как всегда. На улице не остались бы! – Пиманов по-свойски вошёл во двор. А я тебе гостя привёл. Вот это и есть Николай, я тебе о нём рассказывал. Интересуется твоей персоной. Гляди и напишет о тебе что-нибудь в газету или ещё куда!

– Да не в писанине дело, Гена! Приятно, конечно, что кому-то ещё нужен тут. Мне больше самому интересно с молодыми людьми пообщаться, узнать, чем живёт сегодня народ русский! – суховатая ладонь Виктора Григорьевича достойно встретила моё молодецкое рукопожатие.

Глядя в чёрные, с весёлыми искорками глаза Верицагина, я про себя отметил, что, пожалуй, только глазами и похожи двоюродные братья. Пиманов покоренастее, ростом пониже, слегка полноват, а этот, если бы я не знал, что ему уже семьдесят семь, выглядит не по годам молодо, чувствуется энергия и уверенность в движениях.

Сунув младшему брату кукан со словами:

– Ну, давай, чисть рыбу да сковородку готовь! Рыбой угощать вас буду свеженькой! – он взял меня под руку и спросил предусмотрительно:

– Где беседовать будем, молодой человек? В дом пойдём или на скамеечку?

– А давайте на свежем воздухе посидим, Виктор Григорьевич! Смотрите, как хорошо тут у вас!

Мы присели на скамеечку, и я поинтересовался:

– Тянет всё же на родину? Всё-таки за долгие годы и Белоруссия стала родной?

– А вы знаете, Николай, я ведь себя всегда привык считать русским человеком, в какой бы стране мира не находился при этом. Быть русским – это значит носить в сердце память о том месте, где появился на свет. Помнить и стараться делать всё для того, чтобы родине за тебя не было стыдно. А Белоруссия – это часть той большой страны, которую мы считали общей Родиной. Многие с этим продолжают жить и теперь.

– Немало слышал хорошего об этой стране. Друзей у меня там много. Сам вот через месяц собираюсь в командировку в полесские края.

– Приедете в Минск – милости прошу ко мне! Мы с вами на дачку ко мне махнём! Утречком за грибами в лес ходим. Договорились?

– Как получится, Виктор Григорьевич, – не стал обещать я. Попробую!

– Ну, ладно. Понимаю. С чего начнём?

– А вот с малой родины, от петрушинской печки и начнём, Виктор Григорьевич! – улыбнулся я.

– Что ж, правильно рассуждаете. Только я хочу попросить вас вот о чём. Если случится написать обо мне, вы меньше меня прославляйте. Это всё уже в прошлом. Та наука, что была раньше – её больше нет. Мы, я имею в виду Россию прежде всего, отстаём от Запада на десятилетия и это отставание невосполнимо и недостижимо.

– В чём главная причина по-вашему?

– Понимаете, я вот попробую эту ситуацию образно выразить. Представьте себе, что наука – это грибница, скрытая под слоем земли. Что это такое? Это такие переплетённые между собой нити, позволяющие грибнице развиваться, обмениваться информацией.

То что мы видим на поверхности – это не грибница, это открытия. Этот гриб – Государственная премия. Этот – Нобелевская премия. А грибница продолжает при этом жить, развиваться дальше и когда, в каком количестве она явит миру ещё свои крепенькие «грузди» никто

не знает. Так вот, а если эту самую грибницу не орошать? Если разворошить её, повредив сплетение образующих её нитей? Вот у нас сейчас и происходит с наукой так, как я говорю. Сколько лучших учёных на Запад разъехалось! Да что там далеко ходить: мой родной сын Юрий, астрофизик, живёт и работает в Риме и я с этим ничего не смог поделаться! А ведь он сейчас по сути «внук» великого Эйнштейна, занимается именно теми проблемами, основоположником которых этот гениальный человек был в своё время.

Виктор Григорьевич, махнув рукой, резко вскочил и побежал посмотреть, как идут дела на кухне. Вскоре он показался в дверях, неся огромную чашку с нарезанными в ней ломтями спелого, яркого, как алая кровь, арбуза:

– Пока там Геннадий жаркой рыбы занимается, давайте арбузиком разомнёмся! Эх, хороши они в этих краях, что ни говори! Ну, так на чём мы остановились?

– Да на том, что нельзя доверять нерадивым чиновникам управление наукой, – ответил я, сообразив, что старику не очень приятно, что сын служит науке в чужом государстве.

– Правильно мыслите! Недаром говорится: кто с руками – идёт работать на производство, у кого котелок варит и талант, какой даден – в науку, в искусство. А у кого никаких навыков и способностей нет, идут в чиновники, чтобы управлять мастерами своего дела. В итоге ни мастеров, ни...

Верицагин чертыхнулся и в сердцах бросил объединенную до белой кожицы арбузную корку в мусорное ведро. Тема глубоко волновала учёного, и я понимал, что переживания его искренние.

– Ваша супруга жива, с вами, Виктор Григорьевич? – постарался перейти на личную тему и увидел, как просияло лицо моего собеседника.

– Да, живём сейчас в Минске с моей Валечкой. Трёхкомнатная квартира в центре. Она у меня на белорусском радио работала до пенсии. О-о, она у меня золотая женщина!

– Как же вас занесло в такую даль? – поинтересовался я.

– Это, брат, отдельная история. Всё расскажу по порядку. А пока только маленькую ремарку сделаю. Наш дом стоял рядом с домом Пимановых. Когда пришло время получать в Минске квартиру (а это были ещё советские времена) оказалось, что наличие дома в Петрушино стало проблемой на этом пути. Пришлось дом за бесценок продать. Жалею вот теперь. Не на родном подворье обитать приходится. Спасибо брату, хоть этот клочок земли имею на родине. Обычно с Валею и приезжаем по лету, а в этом году не получилось у нас вместе. Эх, пойдём рыбку отведаем, к столу нас зовут!

Геннадий Иванович оказался способным к поварскому делу. Караси, зажаренные в деревенской сметане с лучком да укропчиком, выглядели так аппетитно, что мы с Верещагиным переглянувшись и рефлекторно сглотив слюну, весело рассмеялись. Караси и впрямь были сказочно вкусны! За едой разговоры потекли уже с юморком, который добавлял Геннадий Иванович, рассказывая про свои ребячьи шалости и про то, как Витька Верещагин всегда приходил на выручку младшему школьному братишке.

Незаметно завечерело. Горластые петухи обозначили свои насесты, многократно прокукарекав со всех концов села о том, что пришла пора ночёвки. Засветились в небе большие и маленькие звёздочки, и далеко за околицей, над самым горизонтом выпятила свой сияющий бок Луна. От Иловли по следам выпавшей росы пополз к тёплым хлевам лёгкий туман, и было слышно, как заблеяли неподалёку чьи-то овцы, словно отказывая этому не прошенному продрогшему гостю в приюте. Изредка незлобиво лаяли по селу собаки, будто сговариваясь взять под ночную охрану потемневшие улицы и переулки. Ещё можно было различить рычание трактора и приглушённые голоса запоздалых тружеников. Вот, белея в темноте, пропорхнули к клубу девчачьи платяца, и чуть поодаль послышался громкий хохот парней. Ватага, прикуривая на ходу, двинулась вслед за девчатами, и опять всё смолкло, погружившись в настороженную звонкую тишину.

Геннадий Иванович, разомлев, прикорнул на диванчике. Его негромкое посапывание доносилось атмосферой такого спокойствия и умиротворённости, что наша с Верищагиным беседа доверительно и обстоятельно перетекла глубоко за полночь. Мы пили из больших бокалов крепкий чай, настоянный на травах, и говорили, говорили... Такого душистого чая я никогда не пробовал раньше. Угадывался приятный вкус чабреца, лёгкий холодок мяты, терпковатый запах вишнёвых и смородиновых листьев. Удивительно, но этим волшебным настоем было невозможно напиться всласть, и вслед за опорожнённым бокалом рука невольно тянулась к чайнику ещё и ещё. Я не всё досконально понимал из того, что говорил Верищагин. Трудно было разобраться с теорией инфракрасных волн, оперируя которой Виктор Григорьевич создал системы слежения за глубоководными атомными подводными лодками и быстрокрылыми самолётами-невидимками. Произносились фамилии академиков М.В.Келдыша, А.П.Александрова, А. М. Прохорова, с которыми доводилось общаться физику. В сознании всплывали пласты разработок такого значения и такой важности, что невольно к горлу подступал комок спрессованного чувства гордости и ощущения собственной причастности к чему-то чрезвычайно великому и незаслуженно забываемому теперь. Иногда я что-то переспрашивал, уточнял, записывал в блокнот, а Верищагин терпеливо разъяснял и всем своим видом не выдавал своего могучего превосходства над моими познаниями в этих специфических областях естествознания. Приходилось много раз касаться и семейной темы. Особенно трепетно рассказывал он о своём отце.

Глядя в черноту оконного стекла, я невольно представил себе всю картину тех далёких дней, за пеленой которых всё и начиналось в судьбе учёного. Может, приснилось мне всё это ненароком? Нет, перечитываю блокнотные записи и убеждаюсь, что всё сложено правильно, всё так и было.

Часть первая

– Катерина! Ты вечером в клуб пойдёшь? – крикнула зеленоглазая Любка, перевесившись через плетнёвую изгородь.

– Даже не знаю, Любаша. Так намаялась сегодня. Видишь, сколько сена свезли сегодня?

– Катя, брось жалиться! Какие наши годы! Что ты как старуха охаешь? А я слышала, к нам в колхоз на уборку овощей солдат прислали из Камышина!

– Ну и что? Подумаешь, солдаты. А то у нас своих парней мало!

– Это не про Мишку ли Богомазова ты говоришь сейчас? Да по нём тюрьма плачет! Да и лодырь он порядочный! Неужели он тебе и впрямь нравится?

– Ничего и не нравится, – черноглазая Катюшка неделанно обиделась. А то, что он мне прохода не даёт, так я тут при чём? Я ему повода не давала.

– Ну, тогда тем более пойдём! Интересно же будет!

– Ну, не знаю, Любань. Вот если ты мне на вечер своё платье в горошек дашь, то пойду! А я тебе свой пояс с перламутровой пряжкой одолжу.

– Ну, конечно, дам! Давай, иди, мойся, приводи себя в порядок, я за тобой зайду в семь! – и быстроногая Любка весело засемила к своему дому.

Катерина прошла по двору до скирды сена, подгребла вилами сухие былинки и улыбнулась про себя: «Хорошо поработали! Будет чем зимой Зорьку кормить». Жаль, конечно, что воскресенье без отдыха прошло, но в колхозе так: в рабочее время на общее благо вкалываешь, в свободное – на своё хозяйство. Иначе не проживёшь.

– Кать, а Кать! А что такое контрибуция? – пятнадцатилетняя Натаха, младшая сестра Катерины, с книжкой в руках отвлекла от размышлений.

– Зачем тебе, дурёха, это надо?

– Да вот тут написано про военные действия. Интересно же!

– Это дело уже после военных действий делается. Поражённая сторона выплачивает победителю контрибуцию. Убытки вроде возмещает. Вот ты, Натаха, учёная у нас будешь! До школы ещё полмесяца, а ты с учебниками носишься. Шла бы лучше воды в дом принесла. Видишь, устали все, не до того.

– А я Катенька и наносила, и протопила, и нагрела! Вот так! Я слышала, ты в клуб собираешься? А меня возьмёшь? Там сегодня Серёжка Пустовидов на гармошке играть будет! Красота! Заслушаешься, как он «Барыню» -то выводит!

– Рано тебе ещё про клубы, да про гармошки думать. Вот отец узнает, он тебе гуляночку быстро наладит!

– Вот ты вредина, Катька! – обиженно надув губы, Наташа шмыгнула в дом.

«А время-то летит!» – подумала про себя Катя. «Давно ли сама такой была?» – задумалась она и присела на завалинке. Вот уже девятнадцать скоро стукнет. Завтра рано вставать, идти на ток, ворошить зерно. Зарабатывать трудодни. «Везёт Натахе! Все её жалеют. А меня никогда никто не жалел», – огорчалась девушка. «Что я видела в жизни? Постоянное чувство голода, вечная бедность. Какой-то непонятный страх в глазах родителей: как бы чего лишнего с языка не слетело! Вон их сколько по Петрушинским хуторам сгнуло! Любке тоже хорошо. У неё отец секретарь парткома, в городе часто бывает, гостинцы привозит, обновления».

– Эй, да ты никак плачешь, красавица? – мать Катерины, статная казачка Лукерья Даниловна, участливо тронула дочку за плечо, – что случилось, милая?

– Ничего, мамочка, не случилось. Так, взгрустнулось немного.

– Пойдём в дом. Давай я тебе помогу обмыться, доченька, а там отец лошадь с подводой отгонит, вернётся, вечерять будем. Наташенька вон шей наварила с крапивой – вкуснотища-а!

– Пойдём, мамочка. Любка Кожина забегала, в клуб вечером приглашала. Не знаю, прям, идти, аль нет. Намучалась что-то, ни до чего.

– А и сходи, Катюш! Чего тебе в эту пору-то дома сидеть?

– А и пойду! Любка мне на вечер своё платье даже пообещала принести. Мам, а ты мне свой пояс с перламутровой пряжкой дашь?

– Модница ты моя! Куда ж я денусь! Ничего мне для тебя, доченька не жалко. Носи, пока носится!

Они прошли в дом. Наталья фыркнула было, но тут же рассмеялась и чмокнула старшую сестру в щёку: «Ты извини меня, сестрица!»

Лукерья тёрла мочалкой Катину спину в тёмном чуланчике с земляным полом и невольно любовалась дочерью: «А ведь и впрямь красавица она у меня выросла!» Чёрные, как смоль волосы намокли и до самого пояса струились по ложбинке спины и крепким белым холмикам груди. Узкая талия плавно переходила в не слишком широкие, будто точёные бёдра. Сильные ноги, проворные руки, умна, уважительна, работница неутомимая. Вот только парня достойного рядом с дочкой Лукерья не замечала. Крутится один лоботряс, да всё зря. Гордая Катерина даже глядеть на него не хочет. «Как-то сложится судьбинушка твоя, чадушко ты моё?» – шло откуда-то из материнского сердца.

Вернулся с колхозного двора отец. Семён Прокофьевич сходил на Иловлю, искупался, нырнув в свежие струи и чувствуя ногами холод бьющих родников, отметил: «Да, не зря после Ильина дня не купается по поверью народ. Нет в воде уже июльского тепла!» Сорокапятилетний казак, отличившийся в первую мировую, провоевавший в коннице Будённого в гражданскую, он был ещё крепок и силён. Цыганские кудри, усы, как у самого Семёна Михайловича (недаром, что тёзки!), жилистые мозолистые руки. А в глазах, когда он спокойно смотрел куда-то вдаль, за облака, плясали золотистые огоньки. Лукерья и теперь узнавала в муже того лихого казака, который засватал её ещё перед германской. Только серебряные нитки паутины забились в черноту их волос, только повзрослели дочери. А сколько позади всякого лихолетья клубится! Через какие потрясения прошли, какие муки вынесли! Теперь-то полегче становится.

И колхоз окреп, и коровёнкой обзавелись, и Семён на тракторе работает, всегда в почёте. Да и самой грех жаловаться, «Лучший овощевод» – это её так сам районный секретарь при всех на собрании назвал и грамоту вручил!

Не успели поужинать, как прибежала запыхавшаяся Любка.

– Ты уж, отец, не сердчай, пусть дочка в клуб сходит, повеселится, – Лукерья Даниловна прижалась к мужнину плечу. Невеста она у нас уже.

– А то я не вижу! Дома-то оно, конечно, не гоже сидеть, но смотри, девка! Веди себя скромнее, перед парнями свою дурь не выказывай! А то вон Дарьи Степановой дочка «осчастливила» мать на старости лет, принесла в подоле. А как они теперь с пацанёнком жить собираются, она подумала? – Семён разгорячился было, но потом махнул рукой, достал из кармана своих стареньких штанов кисет и вышел на порог покурить.

– Строгий он у тебя, Катя. Мой тоже ругается, когда поздно прихожу, – Любка вертелась, поправляя на подружке своё ситцевое белое платье в горошек. На самой было платье бордового цвета в мелкий цветочек, на ногах – чёрные тупоносые туфельки. Золотистые волосы, свитые в тугую толстую косу, делали Любу похожей на сказочную Алёнушку. Да что и говорить: красавица и модница, она в своих данных нисколько не сомневалась и чувствовала себя вполне уверенно.

– Да я его понимаю. А ты думаешь, наши матери за нас меньше переживают? – Катя на манер Любки поправила на груди свою чёрную косицу. Ну, всё! Я готова. Побежали?

– Побежали, Катюша!

– Ишь, как вырядились! Не забывайте, что завтра на работу ни свет, ни заря вставать. Стрекозы! – Семён Прокофьевич кашлянул и поднявшись с порожка, залюбовался удаляющимися силуэтами девчат. «А хорошую дочку мы с Лушей вырастили. Эта себя в обиду не даст!» – подумал он про себя.

До клуба было далековато, если судить по городским меркам. Для деревенских девчонок полкилометра – не расстояние. Чем ближе Катя с Любой подходили к клубу, тем чаще встречались им девчата и ребята, двигавшиеся, как правило, порознь в том же направлении. То и дело раздавались голоса:

– Здорово, Васёк! Что-то давно тебя не видел. Где был?

– Здорово, Саня! Да в поле целыми днями, где ж ещё!

– Маня! Иди сюда! – махала кому-то рыженькая девушка в сиреновом сарафанчике.

– Володенька! Ну, сыграй что-нибудь для души! – обступили девчонки молоденького балалаечника, – давай: «Когда б имел золотые горы!»

Слышался звонкий девичий смех, гортанное, приглушённый гогот парней, старавшихся казаться степенными и взрослыми, простоватые переливы самодельной балалайки, красивые песенные напевы. Молодёжь грызла жареные подсолнечные семечки, делилась какими-то новостями, хвасталась обновками, но все одинаково напряжённо кого-то ожидали. Наконец кто-то крикнул:

– Тётя Глаша пришла! Нам ключи принесла! Отворитесь, ворота, отопритесь! – дружный смех всколыхнул округу и затерялся в густых кронах деревьев. Толпа, толкаясь в проходе, повалила в клуб. Девчата стайками расселись по скамеечкам, в углах сосредоточились компании ребят.

– А где же Серёга шастает? Музыку давай! – выкрикнул кто-то с дальнего угла.

– Будет тебе музыка, курносый! – озорной голос в дверном проёме тут же утонул в залихватских звуках саратовской гармошки, – Веселись, народ, разминай ноги! А никто вам не сыграет получше Серёги! – в клуб залихватски ввалился Серёжка Пустовидов.

– Эх, а ну-ка, Серёжка, давай по частушкам пройдемся! – в круг выскочила задорная Тоня Пономарёва, – что пригорюнились, хлопцы?

Как на горке кирпичи,
Под горою камни.
Полюбите нас, ребята,
Мы девчата гарни!

Тут же в круг выскочил удалой курносый Санька Провоторов:

Обняла меня Тонюся,
Думал, что попал в капкан!
Ой, спасите, задохнуса,
Всё! Закончен наш роман!
И опять Тоня:
Ох, сердечко болит,
Отчего – не знаю!
Научите, как любить,
Я не понимаю!

Девчата, наблюдая за своеобразной дуэлью девушки и юноши, поначалу только прыскали от смеха, но постепенно в кружке, вытанцовывая, появлялись всё новые голосистые красавицы:

Что сидите, мужики,
Штаны протираете?
В поле только сорняки,
А вы всё гуляете!
И опять отвечает кто-то баском:
Хороша Настёна наша,
Руки, как лопаты!
Если замуж не возьмут,
То уйдёт в солдаты!

– А вот и твои солдаты, кажись! – ткнула Любку в бок Катерина, – смотри: они тут оркестр, что ли организовать собрались?

Солдат было четверо. Один из них, невысокого роста, но широкоплечий и подтянутый старшина в портупее и надраенных хромовых сапогах быстрым шагом вышел в центр круга и неожиданно громким голосом объявил:

– Па-апрашу внимания! Мы красноармейцы, приданные вашему колхозу для оказания помощи в заготовке на зиму овощей. Наша часть размещена в Камышине. Поскольку мы не только работать можем, но и веселиться тоже, решено организовать в вашем клубе художественную самодеятельность!

– Да у нас тут и своя самодеятельность имеется! – сплюнул на некрашенные половицы Михаил Богомазов.

– Минуточку! – старшина и не подумал сдаваться, – такого вы ещё не видели! Ра-а-зрешите представить: Иван Закатырин – аккордеон! Григорий Верицагин – гитара! Павел Погребняк – ложки! Ну, а я – старшина Игнат Савельевич Прокопенко – командир отделения и по совместительству руководитель этого славного музыкального коллектива! Трубы и барабаны остались в расположении части, так что не обессудьте, духовой оркестр – в следующий раз!

Народ обступил военных и с интересом рассматривал их. Особенно поразил всех аккордеон: такого чуда петрушинцы ещё не видели.

– Слушай, Ваня, меня Серёга зовут. Дашь на своём инструменте сыграть?

– А то! Только, чур, я на твоей гармонии тоже попробую! – знакомство состоялось на удивление быстро и как-то даже легко и непринуждённо.

Люба с Катей, стоя в сторонке, наблюдали, как бойцы привыкают к новой обстановке. Им понравился серьёзный, положительный старшина в перетянутой ремнями гимнастёрке. Лет тридцати, сверхсрочник, он, очевидно, боготворил воинскую службу и был предан ей всецело. Судя по всему, был человеком семейным и строгих правил, так как к присутствующим молодкам внимания не проявлял. Остальная троица – рядовые красноармейцы, призванные около года назад в части конной артиллерии. Бойцы лишь первое время немного смущались, а потом, подбодрённые старшиной и улыбками девчат, быстро освоились среди молодёжи. Сергей Пустовидов уверенно теребил меха аккордеона, рядышком позвякивал колокольчиками красноармеец Закатырин. Иван уже объяснил «коллеге», что при звучании аккордеон имеет биения, или так называемый розлив, который достигается настройкой. Для этого на сияющем корпусе у него имелись специальные регистровые переключатели. Можно было включать или выключать отдельные участки звуков диапазона и изменять, таким образом, характер и тембр звучания: одноголосное, в унисон, в октаву, в две октавы и так далее.

Серёга с интересом узнал, что на этом саксонском инструменте тридцать четыре клавиши в мелодии и восемьдесят кнопок в аккомпанементе. Только Григорий с Павлом оказались не у дел, то и дело поглядывая на старшину. Наконец тот опять вышел на середину и зычно произнёс своё: «П-а-апрашу внимания»! Все, не скрывая любопытства, уставились на него.

– А на чём вы тут без нас остановились?

– На частушках, товарищ старшина! – бойко отрапортовала Антонина Пономарёва.

– Так давайте продолжим, девчата! А ну-ка, всыпь, Иван, жару, как следует!

– Ну, теперь мы на пару, товарищ старшина сыграем с Сергеем!

– Иван, только я пока уж на своей испытанной гармонии! Ну, а ты не забывай, что обещал на аккордеоне меня отпрактиковать!

– Договорились!

И вот уже полетели от музыкантов мелодичные переборы, а затем, будто прочувствовав голоса друг друга, гармонь и аккордеон жажнули от души удалые частушечные напевы:

У товарки у моей
Кудри вьются до бровей.
Ухажёров у ней много,
Ещё больше трудней!

Сергей спел, оглядывая столпившихся вокруг девчат, и подмигнул задорной Антонине. Та себя упрощивать не заставила. Девушка влетела в круг и подбоченившись перед гармонистом, вывела звонким голоском:

Вышивала я платочек
Тоненькой иголочкой.
Ты поздравь меня милочек —
Стала комсомолочкой!

Неожиданно Любка, подтолкнув локтем Катерину: «Смотри, как надо!» ворвалась в круг и повернувшись лицом к Ивану, бойко начала:

Я хотела замесить
Свадебное тесто.

А жених мне говорит:
«Ты не моя невеста!»

Красноармеец покраснел, но нашёлся с ответом:

Может ночку, может две
Проведём мы вместе,
А потом опять вернусь
К прежней я невесте!
А Любку уже не остановить:
Я иду, иду, иду —
Сирень валяется на льду.
Какую ты себе нашёл,
Такого я себе найду!

Смеясь, Серёга вмешался в весёлый поединок:

Нету дров, потухла печь,
Керосин кусается.
Мировой пожар разжечь
Милка собирается!

Молодые парни и девчата, полуголодные, кое-как одетые и обутые, измученные на колхозных работах, но окрылённые юным радостным цветением, веселились, позабыв про неудобства и невзгоды до упаду. Звучали полька и фокстрот, вальсы, плясовые наигрыши, звонкие неунывающие голоса требовали продолжения ещё и ещё. Порадовал и удивил сельчан своими ложками красноармеец Погребняк. Под Пашкины перестуки кое-кто, не сдержавшись, пошёл в присядку. А потом пришла очередь Григория. То, что творили его пальцы с семиструнной гитарой, не поддавалось описанию. Инструмент выговаривал каждое слово так отчётливо, что когда боец пропел красивым баритоном несколько строчек малоизвестной петрушинцам песни о трактористе Петруше, зал подхватил уверенно:

По дороге неровной, по тракту ли,
Все равно нам с тобой по пути, —
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!
Прокати нас до речки, до лесенки,
Где горят серебром тополя.
Запевайте-ка, девушки, песенки
Про коммуны, про наши поля!

Катя смотрела на гитариста, не отрываясь. Поймав себя на этой мысли, девушка густо покраснела и смущённо завертела головой: «Не заметил ли кто»? А глаза, как магнитом опять притягивали взор к чернявому пареньку с гитарой. Иногда Катя ловила взгляд его красивых карих глаз и читала в них такую нежность, от которой перехватывало дыханье и учащённо билось сердечко. Девушка так ни разу и не смогла заставить себя подхватить эти простые певучие песенные куплеты.

Но смелая Любка и тут нашлась:

– Товарищ старшина! Нам и с песенным Петрушей и с вами по пути! А нельзя ли попросить проводить вашим бравым взводом нас с Катей? А то мы далеко живём, за речкой. Боязно! Там наемни мальчишки поздно вечером так тётку Евлампиевну напугали, что она чуть не утопла!

– Нет для красноармейца таких преград, которые ему невозможно преодолеть! Командуйте, девчата!

Редко, кто расходился из клуба поодиночке. Вот скрылись в темноте Сергей Пустовидов с Тоней Пономарёвой. Парень крикнул на прощание откуда-то из-под туманного берега:

– До встречи, ребята! Аккордеон берегите, я его всё равно освою!

– Это тебе не на твоих четырёх клавишах пиликать! – угадывался ехидный голос Мишки Богомазова.

– Ничего! Не бойсь – я упёртый!

Тропинка, по которой шли Катя с Любой в окружении своих провожатых, была узкой. И не свернёшь в сторону, чтобы идти рядом: в траве обильно сверкала в лунном свете крупными хрустальными каплями ночная роса! Это у старшины сапоги и то он их бережёт. А у красноармейцев на ногах обычные обмотки. Вмиг промокнешь. А уж про девчат и говорить нечего! Так и шли за ними в колонну по одному. Замыкали движение Иван с Григорием.

– Ну, как тебе девчонки? – Закатырин оглянувшись, довольно улыбался дружку.

– Хорошие! И никем не занятые, вроде!

– А я, пожалуй, Гриша, женюсь на Любе! А что? Через годик служба окончится, останусь в этом колхозе. Люди тут приветливые, добрые.

– Ну, ты загнул! А я решил стать командиром. Учиться хочу. Я думал, тебе тоже военная служба приглянулась, а?

– Нет, служба мне тоже нравится! Но такую девушку, боюсь, уже не встречу никогда! Неужели Катя тебе не по сердцу пришлась?

– Ну, ты пристал, Ванюха! Давай так: вместе женимся, вместе учиться едем! Идёт?

– Идёт! Теперь осталось за малым: девчат уговорить! – ребята громко рассмеялись.

– Эт-т чёй-то вам так весело там, хлопцы? Смотрите, в воду не свалитесь, к мостику подходим! – предупредила с иронией Люба.

– Отставить смехи! Смотреть под ноги! – голос старшины был по обыкновению строг.

Мостик, сконструированный из ветловых жердей, скрипел, качался, но служил исправно.

– Весной этот мостик, если казаки не успеют разобрать, ледоход сломает и унесёт. Есть у нас и настоящий мост, но до него далековато обходить, – Любка успевала и экскурсию вести.

– А вот и мой дом. Спасибо, что проводили! – Катя поцеловала, прощаясь, подругу в щёку и по очереди подала руку красноармейцам. Последнему – Григорию. Они смотрели друг другу в глаза, девушка чувствовала, как крепкая ладонь не хочет выпускать её ладошку и почему-то была рада этому. Но её как-то неожиданно севший голос произнёс твёрдо:

– Мне пора, Григорий! Догоняй своих.

– Я увижу тебя ещё?

– Захочешь увидеть – увидишь! – Верицагин был уверен, что отчётливо различил в темноте белозубую улыбку Катерины.

* * *

Любка осторожно прикрыла за собой дверь и шаря рукой по стене, на ощупь стала пробираться по тёмному коридорчику в хату. Родители не спали. В комнате витал запах сгоревшего керосина. Огонёк лампы затрепетал, беспокойно разметав огромные тени по стенам.

– Ты дверь на засов закрыла? – встретила мать вопросом.

– Закрыла... А чего это вы? Папа, что случилось?

– Ничего не случилось. Ложись спать, полуношница! – сердито распорядился отец.

Люба послушно прошмыгнула за занавеску. Разделась и уткнувшись в подушку, прислушалась. Ей очень хотелось перед сном помечтать, вспоминая знакомство с таким замечательным Ваней Закатыриным, но поведение родителей насторожило и напугало девушку.

– В общем, ты меня поняла, Груша. Завтра всем так и говори: надо поддержать нашего председателя. Нельзя его в обиду давать. Особенно этой, Евлампиевне нашей, накажи. Уж она-то разнесёт по всем дворам. Собрание будет в десять вечера, так что успеем. Я тоже, кого надо предупреджу.

– Нешто я не понимаю, Фёдор? Лишь бы тебя не коснулось. Ведь ты у нас тут партийный секретарь, с тебя спрос особый может быть.

– Вот и я говорю. Если Егорыча не защитим всем миром, мне тоже не сдобровать. Ладно, давай спать. Поздно уже, – прикрутив фитиль, Фёдор Иванович задул лампу. Заснуть никак не удавалось. Секретарь колхозной партийной организации – это и в самом деле должность ответственная. Куда ты глядел, коммунист Кожин? У тебя под носом организована форменная спекуляция, а ты не одёрнул, не пресёк, не просигнализировал! Ты что это себе позволяешь? Тебе партбилет не дорог? Эх, каких только слов он не наслушался в райкоме партии! И за что? За то, что председатель колхоза поступил по-хозяйски? За то, что не дал пропасть народному добру? Вот разберись, пойдя с этим!

Петрушинский колхоз «Победа Октября» специализировался на выращивании овощей. Это объяснялось тем, что возделывание полей производилось главным образом на заливных лугах Иловлинской поймы. Низина хорошо держала влагу, а земля, сдобренная наносным илом, не в пример степным песчаным почвам Камышинского района давала отменные урожаи. Рассадку высаживали ближе к июню, когда минует угроза заморозков. Зелёные крепкие корешки томатов, блёклые лепестки капусты, мелкие луковички порея растениеводы вручную высаживали на плантации. Поливали, окучивали, пололи сорняки, собирали урожай, сортировали плоды для сдачи в заготконтору. В отношении огурцов распоряжение райкома было особенно чётким: сдаче подлежали исключительно товарного вида длиной до пятнадцати сантиметров пупырчатые зелёные огурчики – обязательно ровные, без каких-либо дефектов. Как на грех в этом году лето выдалось прохладным, завязи преобладали искривлённые, похожие на пороссячьи хвостики. Председатель колхоза Степан Егорович Ситников, видя эту картину, в сердцах подсчитывал в уме убытки и лихорадочно искал выход из незавидного положения. Коммунист с 1915 года, фронтовик-орденоносец, он прекрасно понимал, что никакие былые заслуги не оправдают срыв плана по сдаче овощей государству. Что делать? Вместе с секретарём партячейки собрали правление. Продымив самокрутками председательский кабинет, актив до глубокой ночи придумывал выход из создавшегося положения. Остановились на том, чтобы некондиционные огурцы собрать, завесить и на городском базаре продать населению по твёрдой цене. Вырученные деньги оприходовать в колхозную кассу до копейки. На них можно было закупить у соседей излишки другой продукции, подлежащей сдаче государству в рамках контракта.

– Ты, Егорыч, только коробейников понадёжней подбери, чтоб посовестливей!

– Да, это ты правильно сказал, Николай Матвеевич! Деньги счёт любят!

– Степан Егорыч! А может из старух нам продавцов скомплектовать? Эти точно не прогадают! Ещё и в наваре останутся!

– Я, товарищи, считаю предложение стоящим, – председатель хмурил брови, отгоняя последние сомнения, – не пропадать же добру! На том и порешим!

На следующий день, в пятницу, две подводы с огурцами отправились в Камышин. За бригадира на передней подводе, управляя вожжами, торжественно восседал старый казак Савелий Прокопьевич. С ним рядом устроилась, подстелив на дощатое сиденье старенький зипун, дородная Матрёна Терентьевна. Заднюю подводу возглавила бабка Евлампиевна.

В воскресенье вечером Степан Егорович, довольно потирая руки, активировал барыши и слушал восхищённые рассказы бригадира.

– И вот мы, значит, к обеду до свояка добрались, и давай наводить справки! Бабки мои по домам разбрелись и к вечеру к нам уже народ потянулся. Ну, а что говорят, хорошие у вас огурчики, даром, что кривые! В бочках, говорят, посолим, а в зиму с картошечкой – милое дело! В субботу распродали уже три четверти привоза!

– А на базар-то ездили? Ну, а как же! Ящакон пять отвезли на базар. Бабки мои гостинцев домой набрали, мне вот махорки перепало.

– Ну, молодцы, коробейники! Соберём вам таким макарон ещё подводы четыре. Пока не перезрел товар – самое время продать!

Заглянул на огонёк Кожин.

– Здорово, Прокопыч!

– Здорово, секретарь! Вот, отчитываюсь перед Егорычем о выполнении задания.

– Берут, значит, нетоварный огурчик?

– Ещё как, Фёдор Иванович! Самая заготовка у людей на зиму начинается! Только дай!

– Ну, иди, отдыхай, дед. Растряслись, поди, за дорогу-то?

– И то верно! Прощевайте, спокойной вам ночи! А то и впрямь старуха моя заждалась.

Старик, поскрипывая половицами, поковылял к выходу.

В дверь, постучавшись, заглянула учётчица Зина Петрушова:

– Степан Егорович! Ну, мы тебе больше не нужны?

– Идите, идите, отдыхайте, девчата! Мы тоже сейчас пойдём.

Оставшись вдвоём с секретарём партиячейки, Ситников заговорщицки подмигнул Кожину:

– Ну, что, Фёдор, по маленькой? Отметим это дело?

– Давай, Степан Егорович, где наша не пропадала!

Выпили по стакану водки из початой бутылки, стоявшей в председателском шкафу. Закурили. Телефон затрещал громко и как-то неожиданно тревожно.

– Ситников, ты? – голос на другом конце провода показался Степану Егоровичу знакомым.

– Я, я это! А это ты Пал Петрович? – узнал председатель своего старого друга, заведующего орготделом райкома партии Коновалова. Что случилось? Почему так поздно звонишь?

– Мне поручено передать тебе, чтобы в шесть ноль-ноль был у секретаря. Да, заварил ты кашу, герой!

– Объясни, не понял?

– Да что тут объяснять тебе? Вроде, не маленький! Ты почему в обход райвнуторга сельхозпродукцию реализуешь? Почему в дирекцию рынка не сдал?

– Как не сдал? Сдал немного, Пал Петрович. А ведь не выгодно это колхозу. Мне вот напрямую населению выгоднее продать!

– Вот завтра перед Валентином Григорьевичем и будешь свою спекуляцию оправдывать! А пока всё! Делай выводы!

Задолго до первых петухов, так и не прикорнув, председатель уже спешил по срочному вызову в райком. Степан Егорович по простоте душевной и в страшном сне предположить себе не мог такого поворота событий! Так его ещё ни разу в райкомовских стенах не встречали.

– Ты что, старый пень, совсем социалистическую сознательность потерял? – голос секретаря райкома Валентина Григорьевича Вершинина раскатисто гремел в просторном кабинете, – Я твоё поведение буду рассматривать на расширенном партбюро принародно, перед всеми горожанами, которых ты, как липку обдираешь! Всё, в два часа ночи на территории речного порта! Явка членов петрушинской партиячейки обязательна. Тебе всё ясно?

– Ясно, товарищ секретарь. Виноват, Валентин Григорьевич, бес попутал. Как лучше ведь хотел!

– Свободен!

Выйдя в коридор, Степан Егорович с досады до боли ущипнул себя за кончик седого уса, чтобы удержать невольные слёзы, предательски замутившие глаза. Никого не хотелось видеть. Хотелось стряхнуть этот нелепый сон, забыть и не вспоминать о нём никогда. «Вот ведь угораздило на старости лет! – в сердцах ругал самого себя Ситников, – это же позор на всю область, на всю страну!»

Председательский тарантас накренился под грузным весом хозяина, гнедая кобыла семилетка уверенно, без понуканий, развернула оглобли в обратный путь.

Кожин издали заметил, как Степан Егорович, держась левой рукой за сердце, слегка прихрамывая, торопится в правление. Запылённая бричка и насупленный вид председателя говорили о том, что результат нелицеприятного объяснения у начальства оправдал самые худшие ожидания. Фёдор поспешил навстречу.

– А-а, сам идёшь, Фёдор Иванович? А я уже хотел разыскивать тебя. Ты вот что. Собери ячейку, членов правления и к двум часам ночи дуйте в Камышин. В речпорту встретимся.

– Это как понимать?

– Да так и понимай. Весь город соберут, меня судить партийным судом. За организацию злостной спекуляции. Ну, всё. Хватит болтать, работайте. Меня не ищи, я сам приеду. Устал я что-то.

Фёдор с жалостью смотрел, как сникший председатель грузно взбирается на сиденье брички и, не глядя по сторонам, трогает вожжи, хлопая кобылу по вспотевшему крупу. Двухколка не спеша покатила по пыльной дороге в сторону околицы, потом свернула в сторону пригорка, за которым начиналась полоска молодой белоствольной рощи.

Председатель привязал покладистую Звёздочку в тени двух берёз, которые выставились на отшибе, словно передовой дозор. Это были старые берёзы, такие же, видно, как и он сам – натерпевшиеся лиха на своём веку, но выстоявшие, не сломленные бурями и ураганами, победившие свирепые морозы и нещадный зной под летним солнцепёком. Уж, не от их ли семян, разнесённых по округе мокрыми осенними ветрами, образовалась эта юная рощица?

«Ну, здравствуйте, хорошие мои! Соскучились, красавицы?» – Степан Егорович обхватил пёстрые крепкие стволы и задрал вверх голову, улыбнулся, видя, как приветливо закачались кудрявые макушки, заскрипели склонённые ветви, зашелестела изумрудным водопадом листва. «Ах, спасительницы вы мои, узнали меня, не забыли старика. Вот опять к вам пришёл. За советом, за помощью. Спасайте бедную мою голову, не дайте пропасть ей на излёте лет», – шептал он, то и дело целуя бело-розовую шелковистую кожуцу – тёплую, нежную, родную. Снял пиджак, свернул его скаткой под голову и прилёг устало и отрешённо в поросшую муравьей ложбинку у подножия деревьев. Изредка всхрапывая и смахивая длинным хвостом с карих боков надоедливых августовских мух, щипала неподалёку травку Звёздочка, умными своими глазами поглядывая на утомлённого хозяина. Высоко в небе кружил коршун, высматривая в просторной степи зазевавшуюся жертву. От пруда, блестящего широкой гладью в балке, чуть ниже рощи, тянуло прохладцей. Было видно, как огромные сазаны, вспарывая плавниками прогретые зеркальные отмели, колышут стебли камыша и по воде далеко-далеко расходятся широкие круги. Застыли вдоль берега серые цапли. Только шустрые кулички, вспархивая и перелетая с места на место, создавали никому не нужную суету.

Степан Егорович закрыл глаза, и внезапно подкараулившая дрема навалилась, одолела его могучее тело, а потом, будто оторвав от земли, понесла куда-то всё выше, выше...

Ситникову приснилось, как он, красноармеец, в 1919 году возвращается из разведки по густому июльскому разнотравью от петрушинских хуторов в расположение своего полка.

Задание было несложным: свой человек должен был передать боеприпасы и поведать последние известия о месте расположения белогвардейцев.

Скрипит старенькая повозка, на дне которой навалена ворохом свежая ржаная солома. Мягко пружинит подстилка под разомлевшим в утреннем пригреве телом, успокаивает, убаюкивает. На этой телеге два дня назад привёз он ворох сухих дубовых веток одинокой старухе Матрёне Игнатьевне Дорохиной, да под видом эдакого предприимчивого торговца и напросился к ней на постой. Плату взял за дрова невеликую, при этом ещё сам и попил их на следующий день.

Ни подслеповатая Матрёна, ни редкие жители, проходящие мимо покосившегося деревянного домишки старухи, слывшей не иначе, как местной колдуньей, не могли признать в заросшем кудрявой седеющей шевелюрой казаке их земляка Степана Ситникова. Да ещё эта окладистая борода с подкрученными, тронутыми лёгким серебром усами!

За восемь лет, как ушёл на службу, изменился Степан. Лишь стать богатырская да крепкие руки, привыкшие держать косу и топор, выдавали в нём его, прежнего. Только за военные-то годы рукам привычнее стало держать пашку и винтовку, взмокла спина с непривычки давеча. Поздно вечером к дому Матрёны подъехала повозка. Ситников вышел на двор:

– Ну, здорово, Петро! Заждался тебя!

– Здравствуй, Степан! Опасно в этих местах днём-то показываться. Есть тут глаза и уши у беляков. Тобой, небось, тоже уже интересовались?

– Да ходил пару раз мужичонка какой-то мимо двора под вечер, посматривал в мою сторону, но подойти не решился.

– Не к добру это, чует моё сердце. Ладно, Степан, принимай груз. Мне тут долго задерживаться тоже ни к чему.

Вдвоём перегрузили на телегу Степана ящики с патронами, поклажу притрусили, как следует соломой.

– Нашим скажешь, готовится банда Вакулина на Камышин двинуть. Силы, видно собирают. Где-то под Весёлым у них батарея. Врангеля дожидаются. Тут их пока нет, но днями наведываются за провиантом. Эх, будет заваруха, чует моё сердце! В ночь не трогайся, Степан. На дозоры ихние можешь напороться. А как светать станет, так и поезжай. Да старайся ближе к балкам да рошицам держаться, не так заметно тебя будет, а сам поглядывай по сторонам. Чё ж без оружия-то?

– Да я оставил винтовку за хуторами, припрятал в надёжном месте. Так оно сподручнее будет, меньше подозрений. Мало ли таких, как я, торговцев сейчас промышляет?

– Как сам-то? Семья с тобой?

– Спасибо, всё нормально, Глаша с детьми в Камышине, у тётки. Все живы-здоровы.

– Ну, прощай, Степан!

– Прощай, товарищ дорогой!

Всё дальше и дальше цокают подковы по высохшей пыльной колее просёлочной дороги. Уехал Пётр. Тишина вокруг. Июль только начался, а жара уже стоит несусветная, даже в ночь духота не отпускает из объятий раскалённую поволжскую степь.

Всю ночь проворочался красноармеец на сеновале, толком не выспавшись и вот теперь, едва отдышавшись в предраассветной свежести, трусцой правил свою телегу прочь от своего неказистого пристанища. «По-прежнему, видно побаивается народ бабку Матрёну. Не докучал никто с расспросами: «Что за постоялец, мол, у тебя, бабуся?»»

Степан, усмехнулся про себя, вспомнив, как пацанами и сами стороной опасливо обходили Матрёнино подворье. А то ведь грыжа или чирей вскочит у кого – всё на Игнатьевну грешили! Колдунья! А так оно или нет – не проверишь!

«Эх, забыл поинтересоваться, сколько же ей лет-то стукнуло!» – засокрушался было Ситников, но зевнув, откинулся на спину и уставился в высоченное голубое небо.

«Вот бы уметь летать по-птичьи! Подняться повыше, разведать, где белые прячутся, да сверху-то бомбами и забросать эту проклятую вражину!»

– Ба-бах! Бах-тарарах! – это уже не гранаты рвутся во сне у Степана Егоровича в бело-гвардейском стане, а белый разъезд сам пожаловал и с полверсты требует остановиться возницу.

«Где это я, однако?» – спросонья не сразу понял Степан. А когда увидел впереди знакомую балку с двумя раскидистыми берёзами, ударил лошадь кнутом вдоль спины так, что та рванула во весь опор. Всё ближе, ближе балка. Но и беляки резвы: «Живьём брать краснопузика! В лошадь, в лошадь стреляй!»

Если бы Степан оказался более внимательным, отъезжая со двора Матрёны, он смог бы различить в предрассветном сумраке сгорбленную тень того самого мужичка, что высматривал его днём, прогуливаясь по переулку. Атаман Вакулин строго-настрого наказал Власу Скородумову следить за всем, что покажется подозрительным, а в случае чего – изыскивать способ немедленно сообщать об этом через верного человека в хуторе Весёлом. Что-то знакомое показалось Власу в суровом взгляде из-под широких насупленных бровей заезжего здорового мужика с кудлатой головой, ловко управлявшегося ножовкой. Дубовые поленья, толщиной в руку, так и сыпались на землю, разрезаемые острыми стальными зубьями. И вдруг осенила догадка: «Да это же Стёпка Ситников! Постарел, конечно. Вон сколько седых волос в башке, а глаза всё те же: пристальные, цепкие, острые, как молнии! Стёпка! Да ведь он же у красных, говаривали!» – Влас бегом рванул к своему дому, вывел из база Карюху и принялся лихорадочно её осёдлывать. Внезапно старенькая подпруга лопнула и Скородумов, не сдержав досады, громко выругался: «Да туды ж твою через пень-колоду мать! На одной подпруге далеко не ускачешь!»

Разочарование ожидало соглядатая и в Весёлом. Дом связника оказался пуст и закрыт снаружи на щеколду. Влас в отчаянии не знал, что делать. Проторчав у дома часа два, поворотил конягу в Петрушино. И тут ему повезло! От леска наперерез двинулись четыре всадника. Уже изрядно стемнело, но на одном из верховых совершенно отчётливо сверкнули золотые погоны. Офицер внимательно выслушал сбивчивый рассказ Скородумова и переспросил:

– Точно один он и не вооружён?

– Я, Ваш бродь, не видал, как он приезжал-то. А так, по виду, никого с ним боле нету. Один стало быть. И винтовки при нём не видать. Можя наган иде в карманах, но эт-т я не берусь утверждать. А так – Стёпка это, точно!

– А вдруг твой приятель уже уехал или к нему кто приехал? Ты вот что: поезжай обратно и разузнай всё, как есть. Если краснопузый один и выезжать собирается, проследи, в какую сторону поедет и бегом к нам. Стоять будем в этом лесочке. Свистеть умеешь?

– Умею, Ваш бродь!

– Свистнешь три раза, как подъедешь к краю. У красных тут тоже дозоры бывают, так что на том и порешим!

Едва Влас подобрался к переулку, где жила Матрёна Игнатъевна, как тут же едва не столкнулся с подводой: «Уезжает Степан-то! Вовремя я подоспел!» Но это был Пётр Карнаухов, из местных. По виду пьяный в дымину. Бормочет что-то себе под нос или песню петть пробует – не разберёшь! Голову наклонил на грудь, даже не заметил его, Власа, у обочины: «А что бы Петру в эту пору тут делать? А вдруг он Стёпке привёз кого?»

Всю ночь проторчал у Матрёниного подворья бдительный хуторянин, не смыкая глаз. А как увидел Ситникова одного да без вооружения, так и от сердца отлегло: теперь-то точно сцапают голодранца дозорные! Ага, вон он куда направляется! Ну, дальше Голой балки уйти не успеет! Нет, не видел Ситников, как пригибаясь по-шакальи, Влас вприпрыжку спешил к привязанной на базу Карюхе. А если бы и увидел, что тогда?

Затрещали винтовочные выстрелы. Степан Егорович поднимал и резко опускал кнутовище на лошадиную спину, оставляя на взмыленной шерсти длинные перекрестья полос. Внезапно одна из пуль ударила в обод телеги и, жутко жужжа, отрекошетила куда-то в сторону. Степан оглянулся и увидел пятерых преследователей, один из которых спешил и целил в него из карабина.

Звук выстрела и лошадиное ржание слились воедино. Кобыла рухнула на передние ноги, упирая оглобли в землю. Красноармеец кубарем вылетел из повозки и, услышав улюлюкание беляков, вскочил на ноги. «Кажется, обошлось, кости целы!» – успел подумать на бегу.

Вот и берёзки! Там, у корней, под слоем сухой травы он спрятал винтовку и запасную обойму. Вот они! «Ну, теперь потягаемся, гады!» – тяжело дыша, Степан прицелился, пытаясь поймать на мушку первого из преследователей – бородатого казака, вырвавшегося вперед всех. Задержал дыхание и плавно нажал на курок. Тут же передёрнул затвор, успев заметить, как вылетел, широко взмахнув руками, из седла бородач, но нога его застряла в стремях, и ошалевший конь волочил своего хозяина по разнотравью до тех пор, пока тот, ударившись мёртвой головой о степной валун, не отделился, сверкнув обнажённой портянкой. Второй выстрел сбил фуражку с офицера и Степан чертыхнулся: «Ниже, ниже надо было брать!»

Белые спешили и открыли беспорядочный огонь. Степан, пригнув голову, оглядел свою позицию. Хороша! Небольшая ложбинка, как в окопе, прятала стрелка со всех сторон, а берёзовые стволы ещё и надёжным щитом прикрывали с главного направления. Изредка пули тупо шлёпали в древесину, стряхивая вниз прошлогодние сухие серёжки. Степан Егорович приподнял винтовку, склоняясь над прицелом. Залёгшие в стах метрах от него на склоне фигуры преследователей были, как на ладони.

Выстрел – и усатая морда вакулинского бандита в чёрной косматой папаше уткнулась в землю. Остальные заползли в полынные кусты. «Так, трое осталось», – порадовался он. Вдруг послышалось робкое: «Степан! погоди, не стреляй! Это я, Влас Скородумов! Я без оружия!» – с земли поднялся мужичишка и на полусогнутых, озираясь на державшего его на мушке офицера, направился в сторону Степана. «А-а, вот кто за мной в Петрушино присматривал!» – угадал тот.

– Стоять! Чего тебе надо?

– Меня к тебе переговоры вести направляет господин офицер! Давай миром расходиться, Степан! Не губи!

– О чём мне с тобой, Иуда, договариваться?

– Господин офицер согласен рассказать про расположение своей части! Не стреляй, Стёпушка! – опасливо затараторил Влас, семена навстречу.

– Вот что я скажу: оружие на землю и по одному пусть выходят. А революционный трибунал, может и зачтёт эти сведения! Предлагаю сдаваться!

– Степан! Я уже сдаюсь! У меня нет оружия! Я не виноват! Меня силой заставили! Пожалей! – всё ближе подходил Влас, прикрывая своей тщедушной фигуркой видимость.

– Эй! Не стреляй, я тоже сдаюсь! – солдат в шинели поднял над головой винтовку, приподнялся и тут же бросил оружие на землю перед собой. – Не стреляй! Мы сдаёмся!

– Ладно! Давай ко мне! – Степан приподнялся, прижимаясь к берёзе и выставив оружие на изготовку.

Внезапно из-за спины Власа, откуда-то из-под опрокинутой телеги, хлопнул винтовочный выстрел. Офицерская пуля, ударив чуть ниже колена, срубила красноармейца, едва не лишив сознания. Степан видел, как заголосив, упал, прикрывая голову руками Скородумов, а офицер с солдатом стремглав рванулись к укрытию красноармейца. Ещё с полсотни шагов и пиши, пропало, добыют, сволочи! Пересиливая нестерпимую боль, Ситников почти не целясь, дважды выстрелил в нападавших. Оба нелепо заваливаясь назад на подгибающихся коленях, рухнули наземь. Влас по-прежнему голосил, не смея пошевелиться. Степан отложил винтовку,

снял пиджак, затем рубаху. Разорвав её от подола, крепко стянул самодельными бинтами прямо через штаны рану. Кость пуля всё-таки по касательной задела, пробив икру навывлет. Опираясь на винтовку, Степан встал:

– Эй, ты, Аника-воин! Вставай, поможешь мне.

– Помогу, Степан! Конечно, помогу! От несознательности ведь это я, по принуждению! – тряс реденькой бородёнкой Влас.

– Как я стреляю, ты убедился. Сейчас пойдёшь и поймаешь вон ту лошадь. Мою убитую выпряжешь, а эту впряжешь.

Скородумов послушно посеменил выполнять приказ. На удивление, гнедой жеребец, запутавшийся в поводе, легко дал себя поймать. Влас поднатужившись, перевернул телегу, одел на коня хомут, привязал постромки.

– А тут ящики какие-то, Стёпа, выскочили из повозки-то. Так я их обратно загружу, да?

– Грузи, грузи. Да, вот ещё что. Оружие собери и в телегу сложи. И солому тоже.

Опираясь на винтовку, Ситников доковылял до подводы. Хуторянин послушно выполнил все задания и, тяжело и сипло дыша, умоляюще уставился на своего повелителя:

– Отпустил бы ты меня с миром, Степан Егорыч! Прости за ради Христа! Век за тебя молиться буду, не губи только!

– Ладно, иди себе. Ты себя сам уже давно погубил и не я буду тебе судья. Руки об тебя марать не хочу и патрон губить зазря.

Влас, не двигаясь с места, долго стоял и смотрел вслед удалявшейся повозке, не веря своему счастью: «Живой остался! Бог ты мой, сколько натерпелся страхов, а ведь живой!» – слёзы лились по морщинистым щекам, каплями скатывались с волосёнок бороды и усов в песчаную петрушинскую степь. И только заметив на верху противоположного склона балки красные ленты на шапках невесть откуда появившихся дозорных, засеменял без оглядки к хутору.

– Это ты что ли, Степан Егорович, канонаду тут устроил? И нам стрельнуть не оставил?

– Чудом, братки, вылез из переделки! Думал, всё, крышка!

– Так это ты со страху что ль? – загоготали бойцы. – А это кто там улепётывает?

– Да это из местных один. Он-то мне и устроил эту развесёлую встречу! Так, по несознательности, говорит. По принуждению. Нехай бежит.

– Эт-т чтой-то ты, Степан Егорыч, к контре такую доброту проявляешь? Нет, не бывать по твоему! Не позволю, чтобы беляцкая сволочь спокойно землю топтала! Сунцов, а ну-ка, разберись с дядей!

От дозора отделился молодой боец в буденовском шлеме и, пришпорив пёстроного сивого жеребца, запыллил галопом Власу вдогонку. Степан видел, как сверкнуло на солнце лезвие пашки, и мужичонка свалился, обливая кровью бурьян. Никто не слышал, как перекошенные болью губы прошептали напоследок чуть слышно: «Ты же отпусти-ил...».

– Не жалею контру, нас она тоже не жалеет!

– Дело сделано, чего теперь-то уж, – Ситников застонал от боли. Нога распухла, кровь всё ещё сочилась сквозь повязку.

– Э-э! Да тебе в госпиталь надо, герой! Давай, правь до дому, Степан Егорыч, мы тебя сопроводим! Другой-то раз в беду тебя не дадим!

Голень болела так, что мутнело в глазах. Если бы не ржаная солома!

От этой ноющей боли Ситников и проснулся. Нога всегда болела к непогоде. Вот уже шестнадцать лет лучшего барометра не сыскать! Прихрамывая, обошёл вокруг берёз, похлопывая ладонью по стволам:

– Позарастали и ваши раны, дорогие мои. Позатянулись. А тоже, видать, непогоду чувствуете? Вон как шумите, милые вы мои!

На душе у председателя колхоза «Победа Октября» Степана Егоровича Ситникова было спокойно. Солнце клонилось к закату. И ведь не только уходил в прошлое ещё один день.

Клонилась к закату и сама жизнь старого большевика, за каждый миг которой ему не было стыдно ни перед людьми, ни перед самим собой. Он прожил свои шестьдесят семь лет открыто и честно. И никакой земной суд не в состоянии был убедить стойкого коммуниста в неправоте совершённого.

Степан Егорович отвязал лошадь и взяв её под уздцы, пошёл пешком, разминая затёкшую ногу. Пустой тарантас, подпрыгивая на кочках, скрипел, выводя привычный дорожный мотив. Впереди подбадривающе мигали первые огоньки вечернего районного центра.

* * *

– Ну, Луша, пора мне! Через полчаса выезжаем! – Семён пригладил упругие вихры, поправил ремень на гимнастёрке, ещё раз дёрнул щёткой по носкам начищенных сапог. – Катерины что-то долго нет.

– Да к Любе Кожиной она пошла. Пусть дружат девчонки. Ты, Сёма, на собрании не лезь на рожон. Смотри, как все делают, так и ты. Не выпячивайся.

– Ты эти разговоры, Лукерья, оставь! Сам знаю, что и как сказать. А только председателя нашего мы в обиду давать не позволим. Так первичная организация колхоза решила. Не волнуйся, золотая моя, всё будет хорошо. С города сразу в поле поедем, ты собери чего-нибудь перекусить, а Натаха принесёт.

– Соберу, Сёмушка. Ступай с богом!

– Эх, ты, мать! Да нешто коммунисту таково можно? Всё, пошёл я.

Семён Прокофьевич, пригнувшись в дверях, оглянулся, посмотрев в тревожные глаза жены, и решительно вышел во двор.

– Астафьев! Семён! – голос секретаря партячейки заставил остановиться.

– А-а, Фёдор Иванович! Ты же говорил, что пораньше поедешь?

– Чем я лучше или хуже других наших коммунистов? Подумал, вместе нам надо держаться. Людьями оставаться при любых обстоятельствах. И совесть свою слушать.

– А разве может быть так, чтобы человеческая совесть шла в разрез с партийной?

Семён Прокофьевич, видя замешательство Кожина, кашлянул и спросил между прочим:

– Закурить у тебя не найдётся, Фёдор Иванович?

Закурив, оба минут пять шли молча. Наконец Кожин произнёс, как всегда твёрдо и убеждённо:

– Вот ты, Семён Прокофьевич, о совести заговорил. Я так думаю: и партийная совесть целиком зависит от совести тех людей, которые эту партию составляют. Пропадёт она в людях, поддастся человек на мелочную сделку, заронит в себя червоточинку и вот уже пойдёт такое противоречие, такого вреда оно наделает, что и подумать страшно! А партия-то у нас на-род-ная! А ты представь, если не по совести человеческой и партийной наш районный секретарь Валентин Григорьевич Вершинин начнёт действовать. Какая у народа к нему тогда вера будет? Тут, брат, не всё так просто, как кажется. И важно за грань не переступить обычной жалости, недозволенного всепрощения. Справедливая строгость – это главное, я бы сказал, в нашем деле.

– Правильно, говоришь, Фёдор Иванович. А вот как быть в нашем случае? Разве справедливо на весь район наш колхоз так-то вот славить? Разве не излишняя строгость – наказание героя гражданской войны, нашего председателя, за его радение в общественных интересах?

– А я вот как рассуждаю. Слабину мы дали, Семён. Я лично первый был не прав. Разве дозволено кому-бы то ни было нарушать установленный порядок? Страна за каждый колосок на полях бьётся, а мы вольницу разводим, частную торговлю дозволяем. Перегнули мы тут, Семён, что ни говори!

* * *

На открытой площадке перед конторой речного порта к двум часам ночи собралось не менее двухсот человек. Порывы ветра, перелетавшего через Камышинку, раскачивали фонарь на столбе, от чего казалось, что вокруг массивного дубового стола, накрытого красным бархатом, с диким восторгом устроили пляску ночные тени. Они то выскакивали в импровизированный президиум, будто требуя слова для выступления, то стремительно разбегались вглубь территории, затаиваясь в укромных уголках. Массивные, налитые влагой тучи клубились в небе, всё чаще сталкиваясь друг с другом и озаряя пространство вспышками молний. Всё ближе и ближе раскаты грома, всё отчётливее свежий запах грозы.

Подъехал первый секретарь. С ним вместе из машины вышел начальник районной милиции Потап Львович Кустарцев. Директор речпорта отрапортовал о готовности:

- Валентин Григорьевич! Партсекретари и актив района весь в сборе, вас ждём.
- Хорошо, товарищи, начинаем.

Президиум, в который вошли Вершинин, Кустарцев и ещё трое секретарей парткомов камышинских предприятий, уселся за столом. Коммунистический актив района занял места на штабелях брёвен, кто-то стоял, попыхивая душистой махоркой.

Вершинин начал собрание с общей политической и экономической ситуации в районе:

– Товарищи! Партия и товарищ Сталин требуют от нас, коммунистов, сплочённости и соблюдение строгой партийной дисциплины. Наша текущая задача, товарищи, состоит в том, чтобы продолжить борьбу за укрепление социалистических устоев.

Мы должны биться, не щадя живота своего, за дальнейший социалистический рост нашего района, повышение его культурного уровня и благополучия и делать это так же самоотверженно, как боролись мы за счастье родного края, освобождая его от белобандитов! Легко ли нам сейчас? Нет, товарищи, нам ничуть не легче, чем тогда, на полях сражений. Ещё не все затаившиеся враги выбиты нами, товарищи. Ещё творят они тишком свои мерзкие делишки. Появились и новые враги. Вы знаете, товарищи, как тяжело переживает это лето колхоз «Вперёд». Недостаточные меры по борьбе с сусликами, товарищи, в этом хозяйстве привели к гибели свыше 12 гектаров посевов ржи. Не радует ситуация и в животноводстве. И здесь тоже мы наблюдаем элементы безответственности, товарищи! Как можно говорить о выполнении мероприятий по предотвращению падежа скота, если в колхозе «Красный Октябрь» для полевых работ в упряжь привлекают даже жеребят!

Гул голосов неодобрительно пронёсся над рядами партийцев. Валентин Григорьевич, обвёл взглядом собрание и продолжил, нахмутив брови:

– Из-за недопустимого отношения к животным, халатного отношения к их уходу мы имеем их повсеместную гибель. Так в колхозе «Красный авангард» только за один месяц в результате неполноценного питания и непригодного для содержания помещения погибло 52 кролика. В колхозе «Политотделец» поголовье свиней содержится так отвратительно, что и при плановом опоросе пало 17 поросят. В колхозе «Большевик» нечем поддержать больной молодняк. Ему даже сено дают редко, да и то недоброкачественное. В колхозах «Путь к социализму» и «Большая плотина» не принимается конкретных мер по борьбе с чесоткой скота. В результате лошади и коровы, стоящие на карантине, не показывают признаков к выздоровлению.

Мы с вами, товарищи, только что разбирали чудачества в колхозе «Путь к коммунизму», где производилась рубка плодовых деревьев. Срублено более 50 плодоносных деревьев, а это явное вредительство. Сельсовет же не только не принимал мер, но и сам ломал очень хорошие дома и жёг их.

Валентин Григорьевич, волнуясь, налил в стакан из графина воды, выпил большими глотками половину и, чуть умерив пыл, сказал:

– И вот сегодня мы вновь столкнулись с фактами явного отступления от курса партии. Председатель колхоза «Победа Октября» Степан Егорович Ситников, в прошлом – герой гражданской войны, коммунист, в конце концов, проявил частнособственнический подход при реализации выращенной продукции. Вместо того, чтобы сдать некондиционного вида овощи в торговлю в установленном порядке, он распорядился продать продукцию частным образом в Камышине. Как могло случиться подобное – не понимаю! Почему никто не посоветовался, не расспросил, как надо поступить в этой ситуации? Что за партизанщина, я вас спрашиваю, товарищи? И когда, наконец, мы научимся сначала думать, а потом что-то делать? Я бы вначале хотел послушать секретаря парткома этого колхоза товарища Кожина.

Фёдор Иванович уверенно подошёл к столу президиума и взглянув в распарываемое всполохами грозы небо, обратился к собравшимся:

– Да, товарищи, мы допустили промашку в понимании стратегического вопроса государственной политики. Я, как партийный секретарь, поздно это понял. В оправдание говорить не люблю, не дело это. Но хотел бы отметить, что мы сделали всё возможное, чтобы исключить частнособственнические проявления. Что делать, если огурцы в этом году уродились в не малом количестве не товарного, так сказать, вида? Вот мы по актам всё взвесили и продали, всё до последней копейки сдали в колхозную кассу. Не пропадать же добру? Продали ведь дороже, чем принимает заготконтора. На будущее, конечно, учтём и сделаем выводы. Я прошу, товарищи, в первую голову в происшедшем винить меня. Степан Егорович с первых дней в колхозе, душу в него вкладывает. Вы же знаете наши показатели, Валентин Григорьевич. Мы и сеном запаслись. И коровы у нас справные. Ну, вот и всё, наверно. Наказание готов понести по всей строгости.

– Ты, Фёдор Иванович, председателя не выгораживай. Мы его заслуги помним, но нынешних беспорядков допускать не позволим! – Вершинин насупился. – Пусть выйдет сюда и сам перед нами оправдаться попробует.

Слегка прихрамывая, Ситников вышел вперёд. Коренастый, седой казак твёрдо стоял перед товарищами по партии и лишь руки, теребившие скомканный в кулачищах картуз, выдавали его волнение. Степан Егорович, кашлянув, произнёс:

– Всё правильно тут было сказано. Старею, видно. Новых законов не успеваю прочитать да изучить. Всё мне кажется, по здравому смыслу живу. И этот мой смысл за двадцать лет партийного стажа ни разу ещё меня не подводил. Ну, недаром говорится, что и на старуху бывает проруха. Я у всех на виду, товарищи. Всю жизнь. Ни за чьи спины не прятался. Так и теперь. Я в колхозе председатель, мне и отвечать одному.

Редкие капли крупного дождя забарабанили вокруг, словно пулемётными очередями пробивая песочную пыль. Они текли по морщинистым щекам неподвижно стоящего председателя, поблёскивая неровными дорожками. Губы его подрагивали и Степан Егорович, стараясь скрыть это, покусывал кончик уса. Глаза его были сухими.

Внезапно слово попросил Кустарцев. Его металлический голос отчётливо врезался в нависшую тишину:

– Я вот тут услышал, товарищи, что многие руководители не достаточно информированы о происходящем в стране. И я отчасти соглашусь с этим мнением. Какова же роль районной газеты «Ленинский луч» в этом важном деле? Я предлагаю на очередном бюро райкома рассмотреть вопрос об улучшении работы камышинской печати, поднять уровень рабселькоровского движения в соответствии с задачами районной парторганизации. Разработать график выездных редакций газеты. Необходимо поставить вопрос о том, что бы ни одно обращение с мест не оставалось без ответа. А на страницах газеты нужно открыть чёрную доску позора отстающих и красные списки передовиков.

– Верно, Потап Львович! От общих лозунгов давно пора перейти к делу!

– Газета – она же, как друг должна быть, всё разъяснить и подсказать!

– А кого надо и пропесочить, как следует!

Голоса с мест оживились, и стало очевидно, что коммунистам района тема недоработок в районной печати гораздо милее к обсуждению.

– Тише, товарищи! – голос Вершинина был строг и не предполагал компромиссов. – В работе районной газеты, как справедливо отметил товарищ начальник милиции, действительно имеют место упущения. Пока ещё нет обвинения в троцкизме и двурушничестве, но налицо притупление бдительности в виде бесхребетности политики главного редактора. Мне давно не нравится засорённость аппарата редакции отдельными чуждыми элементами: тот – сын попа, эта – из дворянского сословия и так далее. Учтём ваше замечание, товарищ Кустарцев! И попрошу не отклоняться, товарищи, от главной темы сегодняшней повестки. Надо успеть до дождя, пока он нас тут не замочил, – чертыхнулся первый секретарь, стряхивая капли влаги с френча. – Какие предложения по существу?

– Предлагаю объявить председателю и секретарю парткома по выговору, – выйдя в центр площадки, объявил один из собравшихся. – Я думаю, эти товарищи серьёзные, они правильные выводы для себя уже сделали.

– За что выговор? За то, что хотели для колхоза, как лучше? – шумели из петрушинской группы.

– Нельзя в работе уходить от линии партии! – грозно возражали с другой стороны ретивые голоса.

– Дождь начинается, давайте решать по-существу! – деловито отзывались третьи.

– Поступило предложение за действия, недопустимые для руководителей и коммунистам товарищам Ситникову и Кожину объявить по выговору, – Вершинин встал и первым поднял руку:

– Кто «за», товарищи, прошу голосовать!

Оглядев лес рук, Вершинин буркнул для протокола:

– Кто против? Воздержался? Спасибо товарищи, отдыхайте, повестка дня исчерпана. Буду лично просить правление колхоза «Победа Октября» заменить Степана Егоровича на председательском посту. Вот так вот.

Дождь хлынул мощно, будто ждал, когда партактив закончит работу. С оглушительным треском гремели грозовые раскаты, отвесными кривыми клинками в волны Камышинки ныряли рассерженные молнии. Народ попрятался под навесами, не решаясь выйти под этот затяжной ливень. Часа через два дождь обмельчал, а потом и кончился вовсе, ветер сменил направление, небо посветлело. Начинался новый трудовой день.

* * *

– Любань, а как ты думаешь, наладится у нас жизнь в колхозе?

– Она уже налаживается, Катюша! Вспомни, как было лет пять назад и как сейчас. Нет, теперь жить станем по-человечески, заводов понастроим, фабрик, колхозная жизнь закипит! Смотри, сколько техники у нас в Петрушино стало! Лишь бы войны не было.

– Кому мы нужны, Люб? На дворе двадцатый век к середке приближается, неужели люди не поумнели, не понимают, что без войн жизнь куда прекраснее!

– Батя говорит, германцы со своим Гитлером никак не успокоятся. Вот откуда, говорит, беды надо ждать.

– Сколько раз на нас нападали уже со всех сторон, неужели не ясно, что кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет!

– А чтой-то мы всё о грустном, а? – подруга весело улыбаясь, толкнула Катерину в плечо. – Ты не унывай, подружка, нам не о политике думать с тобой следует!

– А о чём? – задорно отозвалась Катя. – Ну-ка, поделись, на что ты меня, дорогая подруженька, подбиваешь?

– Нам с тобой сейчас, Катенька, самое время о любви думать

Любка ловко щёлкала жареные семечки и весело болтала ногами, сидя на скамеечке:

– А что, милая ты моя, будешь нос воротить от ребят, так недолго и в девках засидеться. Вон, как тётка Нюрка Матасова. Даром, что учёная и школой заведует.

– Анна Сергеевна – однолюбка, я ей даже завидую. Как сгинул в германскую её суженый, так она с тех пор никому своё сердце и не открыла.

– Нашла чему завидовать! По мне, так вон Евлампиевна примером может быть: пятерых вырастила, хоть и двух мужей схоронила. Да и жила всё-таки неплохо, всегда умели они и достаточек наживать. И сейчас, хоть клуб и открыли, а всё по старинке молодёжь у неё собирается в хате, хоромы-то просторные. Бабусе и лишняя копейка, и веселей с девками да с парнями, всё какая-никакая отдушина!

– Ну, Евлампиевна своего нигде не упустит, это ты правильно заметила. А всё-таки добрая она, одинокая. Детей судьба по белу свету вон как раскидала! Плохо, что внуков редко видит. А старший-то её, дядя Ваня, так и вообще лет десять не заявляется, всё где-то по стройкам кочует.

– Да, а я бы в старости хотела быть окружённой множеством внуков! Это ведь так здорово, когда ты кому-то нужна! Я бы и сказки им рассказывала...

– Любань, наши-то уехали в Камышин, а ты посмотри, какая гроза собирается! Как они назад-то возвращаться в такую погоду будут?

– И не говори! Мать вся извелась. За отца переживает, на нём ведь тоже ответственность за эти огурцы проклятые!

– Мой папаня говорит, что всё образуется, нет такой вины у нашего председателя, чтобы его в тюрьму сажать!

– Как тут угадаешь, Кать? Вот ты помнишь, по зиме волки на ферму в Чухонастовке залезли и овец порезали? Сторожу десять лет дали за недогляд, а председателя с парторгом и с работы сняли и из партии исключили! Как тут не волноваться!

– Там всё это на беспорядки указывает, а у нас на рачительность. Обойдётся, Любонька, не переживай.

Девчата замолчали, наблюдая за движением мрачных, грозных туч в ночном небе.

Когда в отдалении сверкали молнии, подружки ёжились и слегка вздрагивали, едва нарастающим треском вслед вспышкам электрических разрядов грохотал гром.

– Да, ливень надвигается хороший. От заката если ветер, то всегда с дождём. Пойду я, Любаш. Поздно уже.

– Ну, давай до одиннадцати посидим и пойдёшь. Скучно ведь. Да и спать ни капельки не хочется.

– Давай посидим.

– Как тебе солдатики, Кать? Ох, смотрю, тебе Григорий и впрямь приглянулся! А покраснела-то, покраснела!

– Нормальные ребята. Скоро службу закончат и уедут по родным местам. И ничего я не покраснела, – Катерина чувствовала, что соврала самой себе. Ей приятен был этот разговор. Хотелось вспоминать встречу в клубе снова и снова. – А Гриша – серьёзный, он весь такой, знаешь, основательный. Мне кажется, ему трудно понравиться.

– Вечно ты всё усложняешь!

– Ничего я не усложняю. Просто приучаю себя разбираться в людях.

– А я по-твоему, не разбираюсь? Мне Иван Закатырин очень даже понравился. наших дедов женили, а бабок замуж выдавали, так вообще не спрашивали никакого желания: вот тебе невеста, вот тебе жених! И ничего, жили – не тужили!

– А что об этом вспоминать? Теперь другие времена. Мне Григорий тоже нравится, но надо же присмотреться друг к другу. Понять, что у человека в голове, а что на сердце. А мы ведь и поговорить толком не успели. А потом, он же военный. Завтра откомандируют обратно в часть и всё, поминай, как звали. Как тут быть?

– Да я и сама так думаю. Уж если пустить человека в сердце, если полюбить, то по-настоящему, на всю жизнь! Чтобы даже дышать друг без друга нельзя было. Правильно я говорю, Катя?

– Конечно, правильно, Люба! Я так рада, что мы с тобой о главном думаем одинаково!

– Катюш, и я рада!

Всё ближе и ближе раскаты грома, всё отчётливее освещают землю всполохи молний, всё soonerравнее порывы свежего, пропахшего небесным озоном ветра.

В эту ночь тревожные, тяжёлые, как грозовые тучи сны витали над петрушинским хутором...

* * *

Ровно в 22.00 старшина провёл вечернюю поверку и убедившись, что весь взвод на месте, скомандовал: «Отбой!». Бойцы, прикомандированные к колхозу на период уборки овощей, размещались в трёх полевых палатках неподалёку от плантации. Тут же находилась и полевая кухня, без которой солдату ни каши не приготовить, ни киселя не сварить.

Дрова для топки привезли из колхоза по распоряжению председателя. Оставалось только поколоть толстые чурки на поленья помельче. С этим вполне справлялся кухонный наряд. Солдатский рацион изрядно пополнился в эти дни свежими овощами: помидорами, огурцами, репчатый луком и даже редиской.

Купол палатки, в котором приготовились ко сну Верищагин и Закатырин, неистово трепетал под напором ветра.

– Гриша, спишь? – голос Ивана почти сливался с окружающим шорохом. – Ты о чём сейчас думаешь?

– Да так, ни о чём. Думаю, что со мной будет, когда срочную службу закончу. Хочу в Армии остаться. Из колхоза вернёмся, буду готовиться. Рапорт командиру надо подать.

Я тебе сто раз говорил: давай вместе держаться!

– Мамка у меня одна с братишкой. Хочется им помочь, к ним поближе быть.

– Вань, они всё-таки у тебя в городе живут, не то, что мои, деревенские. Отработала своё – ни тебе скотину убирать, ни сено косить, ни снег зимой от сарая отгрести. Да и доктор – это всё-таки не у станка стоять.

– Зря ты так, Гриша. Она у меня хирург, по несколько операций в день делает. Приходит домой вся уставшая, а если кто-то умер при операции – лучше вообще её не трогать.

– Ладно, не буду спорить. Но только сам подумай: станешь красным командиром – вот тебе и помощь матери! Всё-таки военная служба хоть и не простая, но вполне понятная и конкретная. Да и паёк командирский всегда выручит.

– Я писал матери, она тоже так говорит. А мне как-то боязно. Одно дело команды выполнять, а другое – людьми командовать. Ведь и на смерть посылать буду должен, если потребуются.

– Вот именно: если потребуются. Если Родина от тебя потребует жизнь свою за неё положить – командир не должен раздумывать, и никто не посмеет его в чём-то ином упрекнуть, кроме трусости.

– Ты же знаешь, трусом я никогда не был. Ладно, Гриш, я согласен. Вместе, так вместе! Останемся на сверхсрочную, получим направление в военную школу, выучимся, но только я

думаю, не мешает вначале личную жизнь устроить. Ну, представь, направят куда-нибудь в предальний гарнизон, где ты там себе жену найдёшь?

– Вот ты мудрец! А не подумал о том, что твоя жена через два дня занует и сбежит с твоего предального гарнизона? Женщинам условия подавай. Нет, я как-то иначе себе всё представляю.

– Во-первых, если любит – не сбежит. Во-вторых, из этих мест, может, дорог даже нет.

В третьих, ты думаешь у других командиров жён нет? Наоборот, веселее будет!

– Ну, если лю-у-у-бит! – протянул Верищагин. – А кто же это такая, не подскажешь?

– Я это так, для примера сказал. Что ты сразу «кто»?

– Ты так уверенно меня убеждаешь! Я даже подумал, что у тебя на примете кто-то есть в твоём родном Воронеже. Поэтому и тянет тебя к мамке.

– А ты не фантазируй! Сам-то жениться собрался, только когда генералом станешь!

– Гм-м, – хмыкнул Григорий.

– А ты не знаешь. Почему в колхозе клуб только по субботам и воскресеньям открывают?

– Работает молодёжь, некогда летом гулянки устраивать. В других колхозах вообще выходных не бывает, а здесь хоть в воскресенье дают людям своим хозяйством позаниматься. Про отдых не говорю. Разве что зимой. Бывает, у кого-нибудь молодёжь и в другие дни собирается на хате, но как тут, не знаю.

– А в следующую субботу пойдём в клуб? Я обещал паренька научить на аккордеоне.

– А больше ты ничего никому не обещал?

– Кх, кхы, – пришла очередь закашляться Ивану, – а ты против что ли с теми девчатами ещё встретиться?

– А я тебе откровенно скажу. Катя мне понравилась. Видно, что не избалованная девушка. И красивая. Ты видел, какие у неё глаза? А косы?

– Ну, Люба тоже не дурна! Сравнения тут, полагаю, неуместны.

По трепещущим крыльям палатки крупными каплями забарабанил дождь. Гроза методично вела артиллерийскую подготовку, при этом большинство ребят, уставших за день, истосковавшихся по родным местам, спали безмятежно и крепко.

– Как думаешь, до утра дождь кончится?

– В этих местах только поздней осенью затяжные дожди бывают. Завтра и следа не останется от этих капель.

Друзья притихли, погружённые в свои мысли, воспоминания и лёгкие, слегка наивные мечты. Когда ровный шум дождя окутал палаточный лагерь, все, кроме дневального, уже никак не реагировали ни на льющийся с небес поток, ни на раскаты грома. Разбудить красноармейцев могла лишь привычная для солдатского уха команда: «Подъём»!

* * *

Петрушинские собаки, напуганные грозой, притихли, забившись в свои будки. Темнота поглотила улицы, дома, деревья в саду и поросшие осокой и камышом берега Иловли. Попрятались в гнёзда ночные птицы. Громыхал незакреплённым ведром колодезный журавль да поскрипывали, раскачиваясь из стороны в сторону деревья.

Сердитый ветер обивал с яблонь тронутые червоточиной и торопливой спелостью плоды, и гулкий стук яблок осыпал землю.

Тук-тук, скрип-скрип, тук... По тёмному стеклу кто-то осторожно водил сухой веткой, настойчиво пытаясь достучаться. Ночной гость, одетый в намокший брезентовый плащ с капюшоном, зорко посматривал, пригибаясь, по сторонам. Испуганно вскрикнула внутри дома средних лет женщина, чьё побледневшее лицо прильнуло на секунду к створу окна. Ширкнул засов, легонько лязгнула щеколда. В сенцах тихий голос позвал незнакомца:

– Заходи быстрее! Давно тебя жду!

– Аня, Анечка, родная моя! – грубые мужские руки, мокрые и горячие обнимали Анну Сергеевну, тискали, прижимали к пахнущему табаком и карболкой мужскому телу и она, всецело доверяясь этому неудержимому порыву, отвечала на поцелуи, запуская пальцы в жёсткие посеребрённые вихры:

– Сколько же нам прятаться от людей, Володенька?

– Прости, прости меня, моя милая. Всю жизнь тебе исковеркал...

– Не говори так, Володя. Я самая счастлива на свете. У меня есть ты, а ты меня любишь.

Пойдём, я хоть покормлю тебя с дороги.

– Потом, потом Аня! – Владимир подхватил женщину на руки и шагнул в открытую дверь.

– Надо бы сенцы на засов закрыть, – слабея, прошептала Анна.

Они долго молчали, лёжа в разобранной койке, лишь поглаживая друг друга, едва касаясь, кончиками пальцев. Анна Сергеевна, истинная сорокатрёхлетняя казачка, статная, черноглазая сохранила и упругие черты далёкой молодости, и по-девичьи стройную фигуру, и огонь любви, пылающий страстью к единственному в миру человеку, имеющему право греться её теплом. Владимиру на вид было около пятидесяти. В слегка располневшей фигуре угадывалась военная выправка. Русые волосы, вспотевшие и оттого ещё сильнее закурчавившиеся, были густыми, но аккуратно постриженными. Тонкий нос, красиво изогнутые брови, а под ними – стального цвета округлой формы глаза: умные, строгие, серьёзные. Высокий, с небольшими залысинами лоб. Тщательно выбритые щёки, узкая полоска усов, белая колючая вата седины на коротких бакенбардах. Женщина залюбовалась своим возлюбленным, затем не выдержала и, поцеловав его открытую грудь, прислонилась к ней зардевшейся щекой.

– Володенька, миленький, не знаю даже, как сказать тебе...

– О чём ты, Анечка?

– Может, нам с тобой уехать куда? Непокойно мне на душе, родненький мой.

– Долг у меня! Долг, ты должна это понимать! Я не могу предать своих товарищей по борьбе. Если под пытками или в бреду скажу что-то лишнее – семья подлежит уничтожению. Раскроют красные и то, меньше беды для тебя будет.

– Зачем тебе этот долг теперь, когда Советская власть прочно стоит на ногах? Неужели ты не видишь, что большинство людей тянутся за ней, верят в светлое будущее и, что самое важное, сами его активно строят! И у них получается, Володя! Ты посмотри, сколько строек по стране развёрнуто, кипит Россия, оживает, мощи набирается. Это наша Россия, Володенька! Мы же русские с тобой люди, как ты можешь идти против, не замечая силы этого течения?

– Ты, Аня, как заправский комиссар меня агитируешь. Только что меня агитировать? Поздно мне перекрашиваться. Да и не отмыться мне от их крови вовек.

– Ребёнок у нас будет, вот о чём я хочу сказать тебе, непокорный ты мой... Три месяца, вот как последний раз виделись...

Шумский пружинисто вскочил на кровати и, широко округлив глаза, нелепо беззвучно открывая по-рыбий рот, уставился на Анну Сергеевну. «Вот оно – счастье!» – пронеслось в его голове. «Вот мой идеал, вот мой долг, вот смысл моей жизни и нет ничего, кроме».

– Анечка моя! – приник он страстно к губам любимой, ощущая во рту вкус горячих слёз, ручьями брызнувших из её глаз, – всё будет хорошо, ничего не бойся! Я с тобой, милая моя! Как я те... вас люблю! – он всё целовал и целовал её мокрые солёные губы, нежные плечи, мягкий округлившийся живот. Казалось, эта нежность длилась целую вечность. Потом он, разглаживая шелковистые волосы жены, заснул и на его лице, умиротворённом дремой, впервые за много лет неуловимо играла улыбка счастливого человека. Анна, боясь шелохнуться и потревожить сон любимого, углубилась в воспоминания.

Владимир Петрович Шумский давно уже носил другое имя, и только она – его единственная избранница, могла называть бывшего штабс-капитана по-настоящему...

– Тук-тук, тук-тук, тук – тук, – слушала Анна бьющееся сердце любимого. Как это похоже на стук колёс поезда! Тогда, в августе 1914-го, один из них увозил её, молодую учительницу, из Ростова-на-Дону в Царицынский уезд Саратовской губернии, а его – ещё безусого подпоручика, военным эшеленом в другую сторону, на фронт.

– Сергей Леонидович, Полина Павловна! – месяцем ранее Владимир, в мундире с аксельбантом, весь с иголки, звякнув шпорами, предстал перед родителями Ани.

– Я прошу руки вашей дочери. Мы с Анной любим друг друга и решили связать свои судьбы навеки.

Ни для кого это событие не было неожиданностью. Родители Володи и Ани благосклонно относились к нежным чувствам своих чад и с нескрываемой радостью следили за их развитием. Пётр Александрович Шумский служил в канцелярии градоначальника генерал-майора Зворыкина и хорошо знал Сергея Максимовича Матасова, работавшего начальником отделения движения железной дороги. Обе семьи имели дворянские корни, были весьма уважаемы в обществе. Мог ли в этом случае выбор жениха и невесты быть не воспринятым сторонами?

– Дети мои, – прослезился Сергей Максимович, – примите наше с матерью благословение. Елена Васильевна, мать Ани, метнулась в свою комнату и тут же появилась в дверном проёме с иконой в руках. Молодые встали на колени и по очереди прикоснулись губами к святому лику Богородицы.

– Да хранит Господь вас и вашу любовь, дети мои, – улыбаясь сквозь слёзы радости, дрожащим голосом произнесла Елена Петровна.

А потом в город ворвалась откуда-то из тревожно витавшего вокруг и около тревожного облака грозная весть: «Война!», и застучали, загудели на станции поезда. На отъезде Анны настояли отец и Владимир.

У Сергея Максимовича в Саратовской губернии старый приятель, занимавший высокую должность в народном образовании, ещё полгода назад присылал приглашение для Анны Сергеевны с предложением возглавить одну из земских начальных школ.

Более того, в Царицыне жила родная сестра Елены Васильевны – Анна Васильевна Остен-Сакен, муж которой служил градоначальником и мог хлопотать об устройстве Ани. Царицын – это всё-таки глубокий, спокойный тыл. Свадьбу Владимира и Анны прошла накануне скромно и поспешно. Венчание, впрочем, прошло в Кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы.

Семейное счастье продлилось чуть более недели. Подпоручик Шумский, выпускник по первому разряду Николаевского кавалерийского училища, именуемого Пажеским корпусом, бредил сражениями и лихими битвами; молодой супруге оставалось только плакать по ночам в подушку и осыпать Господа неустанными молитвами о спасении возлюбленного.

Алексей Иосифович и Анна Васильевна встретили Анечку тепло и радушно. Ещё больше приезду кузины радовались их дети Софья, Ольга и Лев.

С не меньшей радостью приняла Анну Сергеевну и земская школа. Чувствовалось, что все учителя с большим уважением относятся к Алексею Иосифовичу, в том числе и потому, что ему первому из уездных градоначальников удалось построить в городе трамвайные линии и теперь по улочкам, веселя ребятишек, бойко бегал электрический транспорт.

От Владимира приходили редкие письма с фронта. Писал, что бьют германца, был легко ранен, награждён, произведён в поручики, затем в штабс-капитаны. Но по слухам, положение на фронтах было критическим.

Жила Аня у Остен-Сакен. Анна Васильевна категорически возражала против отдельного проживания своей любимой племянницы. Зато изредка Анечка имела возможность прямо из квартиры Алексея Иосифовича связываться по телефону с родителями.

Потом грянула революция, следом полыхнула гражданская война. Аня по совету Алексея Иосифовича, имея на руках необходимые документы и рекомендации, уехала в Камышин. На свои сбережения купила в Петрушино домик, стала учить сельских ребятишек. О происхождении Анны Сергеевны никто особо не расспрашивал, а иным она коротко говорила, что осталась одна, муж пропал на фронте. Так, собственно, было и на самом деле. Ни об одной родной душе она ничегошеньки не знала.

Только бывают в жизни чудеса, если в них очень захочется верить. Видно, мольбы одинокой женщины тронули небеса. Однажды, летом 1919-го, накануне наступления белых на Камышин, Анна уже довольно поздно вечером вышла к реке, чтобы сполоснуть с мостков постиранное бельё. Вдруг в кустах раздался щелчок: треснула сухая ветка, и чей-то лёгкий стон резанул по ушам. Испуганно попятившись, Анна вновь услышала человеческий стон и чей-то неясный вскрик: «На помощь!»

Преодолевая страх, Анна раздвинула ветки и обомлела: закрывая ладонью сочащийся кровью бок, на неё глядел помутнённым взором её Володя. Наган в его руке дрожал, а голос всё так же безжизненно доносил: «Помогите!»

– Володенька! – бросилась к раненому Анна, – родной мой, откуда ты здесь? Что с тобой?

– Ты? Аннушка, милая, это ты? Это мне снится? Я брежу?

– Я, я это, родимый мой, – целуя бледное лицо мужа, редела, забыв про оставленное на мостках бельё, Анна.

Опираясь на плечо жены, Владимир встал; пошатываясь, опираясь на плетнёвую изгородь, они побрели к дому. Анна осмотрела и обработала рану. Пуля прошла ниже левого подреберья навывлет. Внутренние органы, по-видимому, остались целы, но кровопотеря была значительная. Заплетающимся языком, едва не теряя сознание, Владимир рассказал о неудачном столкновении с хитрющим красным лазутчиком, расстрелявшим его дозор. О том, как он сам, раненый, почти ползком добрался до Петрушино. Напился прозрачной воды из Иловли. Полегчало вроде. А тут и эта чудесная встреча!

Выздоровливал Владимир недолго. Ему, начальнику разведки пятого кавалерийского корпуса генерала Деникина, отлёживаться было некогда. Белые взяли Камышин и однажды вечером он, не привлекая внимания жителей, тайком выбрался из Петрушинских хуторов в сторону города. Анна проводила мужа только до берега Иловли. Он поцеловал её сухие, горячие губы и выдохнул горько:

– Ничего тебе не могу обещать, Аннушка. Я давал присягу. Я офицер. Моё дело – до конца служить России. Спасибо тебе и... прощай. Даст Бог – увидимся. Будь сильной.

С Владимиром Анна Сергеевна нос к носу столкнулась уже в конце 1930 года в Камышине, куда она ездила на совещание руководителей сельских школ. Владимир Петрович, проходя по коридору, сделал вид, что не узнал её, растерявшуюся от неожиданности и вдруг, остановившись рядом, спросил нарочито строго:

– В чём дело, гражданка? Что вы так на меня смотрите? Я заведующий торговой секцией плановой комиссии Царицынского губисполкома Штукарёв Сергей Сергеевич. У вас ко мне какой-то вопрос? Извините, у меня дела, освобожусь только часа через два.

– А можно мне вас на улице подождать? – веря и не веря своим глазам, с замиранием сердца произнесла Анна Сергеевна.

– Хорошо, как раз обеденный перерыв. Ждите.

«Может, обозналась? А вдруг это не он? Мало ли похожих людей на свете! Тогда почему он остановился передо мной?», – мысли роились и путались в голове Анны Сергеевны...

Они молча прошли к обрывистому берегу Волги, спрятавшись в тень акаций не то от палящего солнца, не то от посторонних взглядов.

– Ну, здравствуй, Аня! – губы его непроизвольно дрогнули под узкой полоской усов.

– Здравствуй! Я всё-таки не ошиблась. Это ты, Володя...

– Тише, прошу тебя, не волноваться. Я теперь не Володя. Меня зовут Сергей Сергеевич Штукарёв, ответственный работник губисполкома. Здесь с внеплановой ревизией. Раньше увидеть тебя просто не мог. И не спрашивай ни о чём. Сюда, в эти края, рвусь вот уже десять лет. Был за границей, в Париже. В двадцать шестом вернулся и по выправленным документам начал новую жизнь. Здесь меня никто не знает, а кто знал – вряд ли уцелел за эти годы. Но приходится быть очень осторожным. Все перемещения по должностям связаны с тщательными проверками со стороны НКВД и мне повезло по легенде, что происхожу из самой, что ни на есть, пролетарской династии. Родители погибли в гражданскую. Как ты? Рассказывай!

– У меня всё по-прежнему. Учительствую. Что-нибудь слышно о наших родителях?

– Они за границей. Живы. Скучают по России. Но вернуться вряд ли решатся. Я виделся с ними. Елена Васильевна была впечатлена нашей последней встречей...

– Бедная мама!

– Не надо нам жалеть друг друга понапрасну, Анечка. Мы живы и это главное. Не всем так повезло, как нам с тобой.

– Ты женат, Володя?

– Нет. В моём положении связи чреватые. Советская власть доверяя, очень придирчиво проверяет. К тому же мы с тобой венчаны, я не могу иметь другую жену перед богом. Хотя, каюсь, это был бы не самый смертный из моих грехов.

– Кто ты, Володя? Кому служишь? Почему всё именно так? – Анна заплакала, вцепившись в рукав френча Штукарёва.

– Поверь мне, дорогая, всё образуется. Я в Царицын переехал с огромным трудом аж из Архангельска. Только из-за тебя. Теперь мы сможем видеться чаще. Я попробую сделать всё, чтобы наша встреча и связь не стала для тебя губительной. Кстати, Ольга, дочь Алексея Иосифовича, сейчас замужем за красным командиром. Можно через него попробовать организовать твой переезд в Царицын. Там проще затеряться.

– Ты и впрямь стал чего-то бояться. И скрываешь, видимо, от меня не мало.

– Я, Анюта, русский офицер. И честь имею. В двадцатом году мы были в Крыму. Я и мой боевой товарищ Сергей Шмелёв находились в лазарете. У меня было лёгкое сабельное ранение плеча, а у него перебита нога. Наши, те, кто попал на корабли, отчалили из России. А мы, в основном раненные, находились на лечении, вверяя свои судьбы Богу. Слышали, будто объявили амнистию и регистрацию в ЧК для набора на службу в Красную Армию. Некоторые не верили, в том числе и я, этим обещаниям всепрощения. Стали обдумывать план побега. Сергей отказался. Сказал, что верит в Россию, тут у него семья. Остался. По приказу Крымского ревкома его и всех офицеров, кто не покинул лазарет, выволокли и расстреляли. А мы с группой боевых товарищей из Феодосии двинулись на запад, прошли румынскую границу. Потом переправились во Францию. Там и нашёл родителей – моих и твоих. Были живы и здоровы. Я служил некоторое время в одной организации, состоящей из наших соотечественников. Через них и удалось оформить официальное возвращение меня в Россию. Только по легенде я красный боец, даже в партию вступил. Ну, это моё дело и свои счёты у меня с большевиками. Я им никогда не смогу простить ни нашу разлуку, ни разлуку с родителями, ни Сергея и тысяч таких, как он. Но и без России мне не жить...

Вдоль Волги бегала гурьбой босоногая пацанва, пугая крикливых чаек и задорно разбивая серебристую гладь реки пущенными камушками-голышами.

Мужчина на берегу закурил. Покачиваясь, он молча смотрел на быстрое течение волжской воды, на бурные волны, плескающиеся в каменистый берег и о чём-то думал, хмуря в табачном дыму изогнутые брови. Облокотившись на ствол дерева, рядом стояла грустная женщина. Её взор был обречённо печальным.

Окутанная пеленой этих воспоминаний, Анна Сергеевна задремала, прильнув щекой к горячему плечу мужа. Как редко они видятся! И когда теперь он, как красное солнышко

в дождливую осеннюю пору, явится к ней ещё? Сколь долгим будет их робкое, неустроенное счастье?

* * *

Субботный день на Петрушинских хуторах поначалу как-то не заладился. С утра и почти до обеда зарядил дождь – мелкий, по-осеннему противный. Полевые работы были приостановлены. Примерно в полдень проглянуло солнце. Ветер мощными порывами, словно невидимый могучий лось, трепал остатки туч, разбрасывая их, как серых волчат по сторонам небосвода.

Серёжка Пустовидов договорился с Евлампиевной на вечерние посиделки. Предварительно согласовал со старшиной увольнительную для солдат-музыкантов.

Старик Пантелей Лошкарёв на каурой лошадке поехал в пойму, перевезти домой стог сена, пока дожди совсем не сгноят его. Во дворе сено можно раскидать, хорошенько просушить и затем уже собрать в скирду. Всё же удобнее, чем где-то на стороне. В колхозе в будний день и лошадь-то не допросишься.

Часам к четырём пополудни на выгоне перед крайними домами показалась щуплая фигурка какого-то паренька. Одетый в однотонный, коричневого цвета костюм, шикарные ботинки, в кепи, из-под которой выглядывали смоляные кудри, он сразу привлёк внимание стариков и детворы. Расположившись в пригреве солнца на завалинке, они обменивались разговорами о былом, отвечали малышне на вопросы «про старину», рассказывали доверчивым ребятишкам всякие небылицы и страшные истории про ведьм и колдунов.

Парень подошёл поближе и вежливо поздоровался. Старики деликатно приподняли свои картузы, любопытства ради поинтересовались, чей он да откуда-куда путь держит. Оказалось, что зовут молодого человека Михаилом, добирается домой в Камышин из самой Москвы, куда ездил поступать в цирковое училище. Заезжал по пути в Елань, а оттуда на перекладных третий день теперь малым сапом следует к мамке. Попросил водички и чего-нибудь перекусить. Поставил между ног кожаный чемоданчик с облезлыми углами и жадными глотками выпил целую кружку холодной колодезной воды. Не спеша очистил принесённое кем-то варёное яйцо, откусил пучок зелёного лука и довольно задвигал челюстями.

– Ну, а ты в чём силён-то, мил-человек, что таким мудрёным наукам обучаться изволил? – дед Савелий прищурил правый глаз, затягиваясь душистым самосадом.

– А я, дедушка, фокусы могу показывать.

– Эка невидаль! Это как же ты народ удивляешь? Ловкость рук, али как? Мне вон мой Федотка надьсь тоже фокус показал: закрыл меня, паршивец, в чулане, а сам курил за сараем, негодник. А этому курильщику ещё и шести нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.